ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 1 февраля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 6 (642)

Приговор суда — приговор всего народа

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР произнесен. Троцкистские бандиты, изменники родине, шпионы и диверсанты наказаны справедливым приговором советского правосудия соответственно степени вины каждого из них перед страною, перед трудящимися массами всего мира. Троцкистский контрреволюционный «центр», средоточие всех антисоветских элементов, филиал германской и японской разведок, опорный пункт фашизма — сметен с лица советской земли волей всего советского народа, выраженной в приговоре Верховного Суда.

Боевой работой Народного комиссариата внутренних дел во главе с Н. И. Ежовым, работой советской Прокуратуры и Верховного Суда разоблачена и разгромлена фашистская резидентура внутри нашей страны, ставившая своей задачей реставрацию капитализма путем свержения власти советов и превращения нашей великой страны в колонию германского и японского империализма. Советское государство нанесло беспощадный удар поджигателям войны во всем мире — германским и японским фашистам. Советское правосудие пригвоздило к позорному столбу троцкизм, разоблачив перед трудящимися всего мира подлинное лицо этой растленной агентуры Гестапо, угрожающей всему передовому прогрессивному человечеству кровопролитными войнами, нечеловеческим угнетением народных масс, средневековым изуверством.

Чудовища контрреволюционного троцкистского подполья, виновные в измене родине и подготовке войны против СССР, в диверсионных актах, в подготовке террористических покушений, в гнусном вредительстве, в убийствах рабочих, красноармейцев, наших детей, — понесли трижды заслуженную кару. Непосредственные организаторы и исполнители кровавых преступлений приговорены к расстрелу; Сокольников и Радек, как члены антисоветского троцкистского центра, несущие ответственность за его преступную деятельность, но не принимавшие непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности, приговорены к тюремному заключению на 10 лет; к тюремному заключению приговорены Строилов и Арнольд.

Широкие народные массы с величайшим удовлетворением встретили приговор советского суда. Десятки тысяч собраний рабочих, колхозников, красноармейцев, интеллигенции, работников культуры по всей стране принимают резолюции, целиком и полностью одобряющие беспощадное наказание троцкистских бандитов.

«Советский суд, — пишут рабочие московского завода «Серп и молот» в обращении ко всем рабочим Советского Союза, — вынес суровый и справедливый приговор контрреволюционной троцкистской банде вредителей, шпионов и диверсантов. Приговор суда — это приговор народа, беспощадного к своим заклятым врагам, изменникам и предателям родины. Устами прокурора говорил весь советский народ».

— Изменники просчитались, — заявляют колхозники артели имени Сталина Медвенского района, Курской области. «Приговор суда есть наш приговор, приговор всего многомиллионного рабочего класса и колхозного крестьянства. Взбесившихся псов надо расстреливать беспощадно».

Президент Академии наук СССР академик В. Комаров пишет, что «народ единодушно потребовал высшей меры наказания преступникам. Никакого снисхождения, никакой пощады. Воля народа выполнена, главари шайки приговорены к расстрелу».

Общемосковское собрание писателей, резолюцию которого мы публикуем сегодня, вместе со всем советским народом, приветствует суровый и справедливый приговор, обезвредивший кровавую шайку троцкистских убийц. Голос советских писателей прозвучал со всей силой ненависти и презрения к наемникам Гестапо, со всей силой преданности и любви к нашей могучей родине, к великой коммунистической партии, к любимому вождю трудящихся товарищу Сталину. На собраниях в Ленинграде и Киеве, в Ростове и Минске — повсюду советские писатели единодушно одобряют приговор суда, повсюду в писательской среде звучат страстные речи о повышении бдительности, об очищении литературных организаций от пролезших в их ряды подлых врагов, об огромной задаче показать и разоблачить средствами художественной литературы подлое лицо врагов, троцкистских шпионов и предателей.

Вся советская страна, рабочие, колхозники, интеллигенция, приветствуют справедливый приговор Военной Коллегии, требуя, вместе с тем, быстрейшего расследования преступной деятельности правых отщепенцев — Бухарина, Рыкова, Угланова, требуя выжечь до конца все змеиные гнезда измены, выловить и разоблачить всех врагов народа. Величайшей ненавистью к кровавому псу фашизма, палачу трудящихся, лакею Гестапо Иудушке-Троцкому пропитаны десятки тысяч резолюций, гневом и клокочущим презрением к проклятому выродку до краев переполнены сердца трудящихся страны Советов и всего мира. Этот могучий гнев трудящихся обрушится на голову фашистского прохвоста — ему не уйти от беспощадной кары за пролитую им кровь лучших людей народа, за множество кровавых преступлений против всего прогрессивного человечества.

Пусть знает эта фашистская гиена, пусть знают его хозяева из германского и японского империалистического штабов, что могуч и крепок великий Советский Союз, что непобедима героическая Красная армия, готовая дать громовой отпор поджигателям войны, что сплочен и безраздельно предан идеям коммунизма социалистический народ, ведомый Сталиным к новым победам. Нет такой силы, которая могла бы возвратить в капиталистическое рабство этот великий и непобедимый народ. Он растопчет и сметет с лица земли всех своих врагов, все темные силы мировой контрреволюции, покушающиеся на свободу и независимость нашей страны, на социалистическое государство рабочих и крестьян.

Удесятерим бдительность, разоблачим всю фашистско-троцкистскую нечисть, железной стеной окружим наших вождей, разгромим и развеем в прах врагов народа, — говорят трудящиеся нашей страны. Будем работать еще лучше, еще героичнее во имя торжества дела Ленина—Сталина, во имя победы коммунизма во всем мире. Будем бороться за укрепление и рост победившего социалистического строя, за дальнейший рост могущества нашей родины, ее оборонной мощи.

Под знаменем Ленина — Сталина, сметая со своего пути всех подлых врагов, наша страна, ударная бригада мировой социалистической революции, придет к полной победе коммунизма.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

в составе: Председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Армвоенюриста **В. В. УЛЬРИХ;** членов: Заместителя Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Корвоенюриста **И. О. МАТУЛЕВИЧ** и члена Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Диввоенюриста **Н. М. РЫЧКОВА** при Секретаре Военном юристе I ранга **А. Ф. КОСТЮШКО** с участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. **А. Я. ВЫШИНСКОГО** и членов Московской коллегии защитников т.т. **И. Д. БРАУДЕ, Н. В. КОММОДОВА** и **С. К. КАЗНАЧЕЕВА**

— в открытом судебном заседании, в городе Москве, 23—30 января 1937 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. **Пятакова,** Юрия (Георгия) Леонидовича, 1890 г. рождения, служащего;
2. **Сокольникова,** Григория Яковлевича, 1888 г. рождения, служащего;
3. **Радека,** Карла Бернгардовича, 1885 г. рождения, журналиста;
4. **Серебрякова,** Леонида Петровича, 1888 г. рождения, служащего;
5. **Лившица,** Якова Абрамовича, 1896 г. рождения, служащего;
6. **Муралова,** Николая Ивановича, 1877 г. рождения, служащего;
7. **Дробниса,** Якова Наумовича, 1891 г. рождения, служащего;
8. **Богуславского,** Михаила Соломоновича, 1886 г. рождения, служащего;
9. **Князева,** Ивана Александровича, 1893 г. рождения, служащего;
10. **Ратайчака,** Станислава Антоновича, 1894 г. рождения, служащего;
11. **Норкина,** Бориса Осиповича, 1895 г. рождения, служащего;
12. **Шестова,** Алексея Александровича, 1896 г. рождения, служащего;
13. **Строилова,** Михаила Степановича, 1899 г. рождения, служащего;
14. **Турок,** Иосифа Дмитриевича, 1900 г. рождения, служащего;
15. **Граше,** Ивана Иосифовича, 1886 г. рождения, служащего;
16. **Пушина,** Гавриила Ефремовича, 1896 г. рождения, служащего, и
17. **Арнольда,** Валентина Вольфридовича, он же **Васильев,** Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащего —

— всех в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—1-а, 58—8, 58—9, и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ И СУДЕБНЫМ СЛЕДСТВИЕМ УСТАНОВЛЕНО:

В 1933 году, по прямому указанию высланного в 1929 г. за пределы СССР врага народа **Л. Троцкого,** наряду с существовавшим, так называемым «объединенным троцкистско-зиновьевским террористическим центром» в составе **Зиновьева, Каменева, Смирнова** и других, был создан в Москве подпольный параллельный антисоветский троцкистский центр, в состав которого вошли подсудимые по настоящему делу **Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников** и **Л. П. Серебряков.**

На основании указаний врага народа **Л. Троцкого,** параллельный антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение Советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР.

В полном соответствии с этой основной задачей враг народа **Л. Троцкий** за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице **Радека и Сокольникова** — в Москве — вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа **Л. Троцкий** во время переговоров с одним из руководителей национал-социалистской партии Германии Рудольфом **Гесс** обещал, в случае прихода к власти троцкистского правительства, в результате поражения Советского Союза, сделать Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР, вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии. Одновременно враг народа **Л. Троцкий** обязался, в случае захвата власти, ликвидировать совхозы, распустить колхозы, отказаться от политики индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капиталистические отношения. Кроме того, враг народа **Л. Троцкий** дал обязательство оказывать всемерную помощь агрессорам путем развития пораженческой агитации, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности как в мирное время, так и, в особенности, во время их военного нападения на Советский Союз.

Члены антисоветского троцкистского параллельного центра **Пятаков, Радек, Сокольников** и **Серебряков,** во исполнение указаний врага народа **Л. Троцкого,** неоднократно получаемых **Радеком,** а также лично полученных **Пятаковым** при его свидании с врагом народа **Л. Троцким** в декабре 1935 г. близ города Осло,— развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность.

Для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах, в некоторых крупных городах Советского Союза были созданы местные троцкистские центры. В частности, в Новосибирске, по прямому указанию Пятакова, был организован Западно-Сибирский антисоветский троцкистский центр в составе подсудимых по настоящему делу **Н. И. Муралова, М. С. Богуславского** и **Я. Н. Дробниса.**

Диверсионная и вредительская работа в промышленности, главным образом, на предприятиях оборонного значения, а также на железнодорожном транспорте, проводилась подсудимыми по настоящему делу по указаниям врага народа **Троцкого** и по заданиям и при прямом участии агентов германской и японской разведок и заключалась в срыве планов производства, ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, в организации крушений поездов, порче подвижного состава и железнодорожного пути.

При организации диверсионных актов подсудимые исходили из указаний врага народа **Троцкого** — «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», дополненных указаниями **Пятакова, Лившица** и **Дробниса,** не останавливаться перед человеческими жертвами, ибо «чем больше жертв, тем лучше, так как это вызовет озлобление рабочих».

В химической промышленности, по заданиям **Пятакова,** подсудимыми **Ратайчак** и **Пушиным** проводилась вредительская работа, направленная на срыв государственного производственного плана, на задержку строительства новых заводов и предприятий и на недоброкачественное строительство новых предприятий.

Кроме того обвиняемые **Ратайчак** и **Пушин** в 1934—1935 гг. организовали три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом комбинате, при чем два из них со взрывами, что повлекло за собой гибель рабочих и причинило большие материальные убытки.

Диверсионные акты были также организованы, по предложению подсудимого **Ратайчака,** на Воскресенском химическом комбинате и Невском заводе.

В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна подсудимые **Дробнис, Норкин, Шестов** и **Строилов,** по указаниям **Пятакова** и **Муралова,** проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задержке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию, путем загазования забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября 1936 года участниками местной троцкистской организации, по заданию **Дробниса,** был организован взрыв на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, повлекший гибель 10-ти рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих.

На железнодорожном транспорте диверсионная и вредительская деятельность подсудимых **Серебрякова, Богуславского, Лившица, Князева** и **Турок,** в соответствии с установками антисоветского троцкистского центра, была направлена на срыв государственного плана погрузки, особенно по важнейшим грузам (уголь, руда, хлеб), на порчу подвижного состава (вагоны, паровозы), железнодорожного пути и на организацию крушений поездов, особенно воинских.

Подсудимым **Князевым,** по указанию **Лившица** и заданию агента японской разведки г-на Х., в 1935—1936 г.г. был организован и совершен ряд крушений товарных, пассажирских и воинских поездов с человеческими жертвами, при чем крушение воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 года повлекло смерть 29-ти красноармейцев и ранение 29-ти красноармейцев.

По прямому указанию врага народа **Л. Троцкого,** членами антисоветского троцкистского центра **Пятаковым** и **Серебряковым,** на случай военного нападения на СССР, подготовлялся ряд диверсионных актов в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших магистралях железнодорожного транспорта.

Подсудимый **Норкин,** по указанию **Пятакова,** подготовлял поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Подсудимый **Князев,** по поручению **Лившица,** принял к исполнению задание агента японской разведки г-на Х. организовать во время войны взрывы железнодорожных сооружений, поджоги воинских складов и пунктов питания войск, крушения воинских поездов, а также проводить умышленное заражение бактериями острозаразных болезней подаваемые под войска эшелоны, а также пункты питания и санобработки частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

На ряду с диверсионной и вредительской деятельностью подсудимые **Лившиц, Князев, Турок, Строилов, Шестов, Ратайчак, Пушин** и **Граше,** по поручению троцкистского антисоветского центра, занимались сбором и передачей агентам германской и японской разведок секретных сведений, имеющих важнейшее государственное значение.

Подсудимые **Ратайчак, Пушин** и **Граше** были связаны с агентами германской разведки **Мейеровитц и Ленц,** которым в 1935—1936 г.г. передавали особо секретные материалы о состоянии и работе химических заводов, причем **Пушин** в 1935 году передал агенту германской разведки **Ленц** секретные сведения о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза ССР за 1934 год, программу работ всех химических предприятий на 1935 год и план строительства азотных комбинатов, а подсудимый **Ратайчак** передал тому же **Ленц** совершенно секретные материалы о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам.

Подсудимые **Шестов** и **Строилов** были связаны с агентами германской разведки **Шебесто, Флесса, Флорен, Зоммерэггер** и др. и передавали им секретные сведения по угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна.

Подсудимые **Лившиц, Князев** и **Турок** систематически передавали агенту японской разведки г-ну Х. совершенно секретные сведения о техническом состоянии и мобилизационной готовности железных дорог СССР, а также о воинских перевозках.

По прямым указаниям врага народа **Л. Троцкого** антисоветским троцкистским центром было создано несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске, Сочи и других городах СССР, которые занимались подготовкой террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства товарищей **Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Ежова, Жданова, Косиора, Эйхе, Постышева** и **Берия,** причем некоторыми террористическими группами (в Москве, Новосибирске, на Украине, в Закавказье) непосредственно руководили члены антисоветского троцкистского центра подсудимые **Пятаков** и **Серебряков.**

Организуя террористические акты, антисоветский троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и Советского правительства на места.

Так, осенью 1934 года **Шестов,** по указанию **Муралова,** пытался осуществить террористический акт против председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. **В. М. Молотова** во время его пребывания в Кузбассе, для чего участник местной троцкистской террористической группы подсудимый **Арнольд** пытался совершить катастрофу с автомашиной, в которой ехал тов. **В. М. Молотов.**

Кроме того, подсудимый **Шестов,** по заданию **Пятакова и Муралова,** подготовлял террористический акт против секретаря Западно-Сибирского Краевого Комитета ВКП(б) тов. **Р. И. Эйхе,** а подсудимый **Арнольд,** по подстрекательству того же **Шестова,** подготовлял террористический акт против тов. **Г. К. Орджоникидзе.**

Таким образом, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила, что:

I. **Пятаков, Серебряков, Радек** и **Сокольников** состояли членами антисоветского троцкистского центра и по прямым указаниям находящегося за границей врага народа **Л. Троцкого,** в целях ускорения военного нападения на Советский Союз, содействия иностранным агрессорам в захвате территорий Советского Союза, свержения Советской власти, восстановления капитализма и власти буржуазии, руководили изменнической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью антисоветской троцкистской организации в Советском Союзе, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58—1-а, 58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

II. Указанные в пункте I **Пятаков** и **Серебряков,** а также являвшиеся участниками антисоветской троцкистской организации **Муралов, Дробнис, Лившиц, Богуславский** — организовали и непосредственно направляли изменническую, шпионскую, диверсионно-вредительскую и террористическую деятельность членов антисоветской троцкистской организации, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58—1-а, 58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

III. **Князев, Ратайчак, Норкин, Шестов, Турок, Пушин** и **Граше,** являясь участниками антисоветской троцкистской организации, привели в исполнение задания антисоветского троцкистского центра по изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельности, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58—1-а, 58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

IV. **Арнольд,** будучи участником антисоветской троцкистской организации, по подстрекательству подсудимых **Муралова и Шестова,** пытался осуществить террористические акты против товарищей **Молотова** и **Орджоникидзе,** т. е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 19—58—8 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

V. **Строилов** — частично выполнил несколько отдельных заданий по шпионажу и вредительству, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58—6 и 58—7 Уголовного Кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР ПРИГОВОРИЛА:

1. **Пятакова,** Юрия (Георгия) Леонидовича,
2. **Серебрякова,** Леонида Петровича, как членов антисоветского троцкистского центра, организовавших и непосредственно руководивших изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельностью, — к высшей мере уголовного наказания — **РАССТРЕЛУ;**
3. **Муралова,** Николая Ивановича;
4. **Дробниса,** Якова Наумовича;
5. **Лившица,** Якова Абрамовича;
6. **Богуславского,** Михаила Соломоновича;
7. **Князева,** Ивана Александровича;
8. **Ратайчак,** Станислава Антоновича;
9. **Норкина,** Бориса Осиповича;
10. **Шестова,** Алексея Александровича;
11. **Турок,** Иосифа Дмитриевича;
12. **Пушина,** Гавриила Ефремовича и
13. **Граше,** Ивана Иосифовича — как организаторов и непосредственных исполнителей указанных выше преступлений — к высшей мере уголовного наказания — **РАССТРЕЛУ;**
14. **Сокольникова,** Григория Яковлевича и
15. **Радека,** Карла Бернгардовича — как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности, — к заключению в тюрьме сроком **НА 10 ЛЕТ КАЖДОГО.**
16. **Арнольда,** Валентина Вольфридовича — к заключению в тюрьме **НА 10 ЛЕТ;**
17. **Строилова,** Михаила Степановича, в виду обстоятельств, указанных в пункте V резолютивной части настоящего приговора, — к заключению в тюрьме **НА 8 ЛЕТ.**

Осужденных к тюремному заключению **Сокольникова, Радека, Арнольда** и **Строилова** лишить политических прав сроком на пять лет каждого.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, — конфисковать.

Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишенные постановлением ЦИК СССР от 20-го февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа **Троцкий** Лев Давыдович и его сын **Седов** Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых **Ю. Л. Пятакова, К. Б. Радека, А. А. Шестова** и **Н. И. Муралова,** а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей **В. Г. Ромма** и **Д. П. Бухарцева** и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, — подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Председательствующий — Председатель Военной Коллегии Верхсуда СССР
Армвоенюрист — В. УЛЬРИХ.

Члены — Заместитель Председателя Военной Коллегии Верхсуда СССР
Корвоенюрист — И. МАТУЛЕВИЧ.

Член Военной Коллегии Верхсуда СССР
Диввоенюрист — Н. РЫЧКОВ.

Мих. ГОЛОДНЫЙ

Нет, ты его настигнешь, кара!

«Собачий пир».
О. Барбье.

Связать хотели и на бойню!
Всех вместе, под единый нож! —
Тебя, восставшую на ложь,
Страны Советов молодежь!

Вас, матерей, клянущих войны
И в бой зовущих сыновей
За дело братьев и мужей!
Вас, сестры, молодых и стройных,
Вас, дети родины моей!..

«Вы их продать хотели?» — «Да».
«В Госбанке воровали?» — «Да».
«Страну распродавали?» — «Да».
«Чья директива? — Троцкий?» —
«Да».

Опять и снова: да и да!
Где с взломом, где без взлома кража
Народной крови и труда!
Открыта купля и продажа.
Кто больше? Подходи сюда!
Решались выстрелом задачи,
И смерть сама вела торги.
Готовились на пир собачий
Почуявшие кровь враги.
И журналист с лицом мартышки,
С душой, как страшный анекдот,
Вносил в бухгалтерские книжки
Тройной бухгалтерский расчет.
Как бред, дела их и делишки,
Куда ни вступишь в грязь — они,
Повсюду след их пятерни,
След пальцев, скрюченных во
тьме,
Как злое бешенство в уме.
Пять пальцев Троцкого Иуды,
Ощупывающих без слов
Пробоины, обломков груды
Сошедших с рельсов поездов.
Ощупывающих карманы,
Тела детей, в затылках раны.
Его б за пятерню сюда
В день всенародного суда!
Его бы показать народу,
Распродававшего свободу
На вынос, оптом, без стыда.
Откликнулся бы отовсюду
Народной кары грозный гром
И раскатилось бы кругом:
— Сюда кровавого Иуду!
Пусть скажет нам, сходя в могилу,
Как знамя Ленина топтал,
Как злобной пастью хохотал
Над нашей верой в нашу силу...
Нет, ты его настигнешь, кара!
Сто семьдесят мильонов рук
Над ним в одну сойдутся вдруг
Для беспощадного удара.
И в темноте его отыщем
И скажем, вытащив на свет:
— Собаку смерти — на кладбище!
Ей рядом с жизнью места нет!

ТЕАТР И ДРАМАТУРГ

На всесоюзном репертуарном совещании

Из докладов председателя Комитета по делам искусств т. П. Керженцева и его заместителя т. Я. Боярского, а также из выступлений руководителей театров на всесоюзном репертуарном совещании (26—30 января) со всей отчетливостью вырисовалась картина громадного роста советского театра.

Это рост одновременно количественный и качественный. Расширяется сеть театральных предприятий (в 1935 г. — 653 театра, в 1937 г. — 813), резко увеличивается процент посещаемости, возникает театр на языках народов, впервые овладевающих этим видом искусства. В то же время созревают и режиссерские и актерские кадры, добивающиеся больших успехов в разрешении сложных сценических задач, умело воспитывающие вкус зрителя, все больше обогащающие периферийный театр постановками, в которых политическая актуальность соединяется с художественной зрелостью.

Благодаря появлению таких кадров стала более возможна, чем когда-либо, борьба за овладение классическим наследием мировой драматургии.

Но каков удельный вес советской драматургии в репертуаре наших театров?

На этот вопрос все выступавшие на совещании художественные руководители и директора театров, так же, как и руководство Всесоюзного комитета по делам искусств, вынуждены были дать малоутешительный ответ.

Советских пьес мало, очень мало, — что особенно тревожит в связи с предстоящим двадцатилетием Великой пролетарской революции. На этом вопросе совещание заострило свое основное внимание.

Особенно четко оттенил этот момент в своих выступлениях т. П. Керженцев. Он указал на недопустимую ограниченность тематики в тех драматургических произведениях, которые за последнее время появились. В них не находят отражения узловые, кардинальные проблемы нашей эпохи. Может ли советский театр притти к двадцатилетию Великой пролетарской революции без большой, серьезной пьесы о творческой роли партии и о ее создателях Ленине и Сталине? Много ли дали нам драматурги пьес на оборонные темы?

Почти единственным исключением в этом смысле является пьеса Киршона «Большой день». Но ведь это ничтожно мало по сравнению с существующими потребностями — тем более, что «Большой день» при всей своей своевременности, при всей своей политической заостренности, не лишена, по мнению тт. Керженцева и Боярского, существенных недостатков.

А много ли у нас написано пьес, направленных против фашизма, пьес на тему о дружбе советских народов и т. п.?

Могут ли театры снять с себя вину за то, что на драматургическом участке не все обстоит благополучно?

— Нет, — отвечает т. Боярский, — я не могу обвинить драматурга в том, что он не пишет пьесы на такую-то тему. Задача театра — увлечь драматурга определенной темой, заинтересовать, толкнуть на ту или иную работу. Вместо этого многие предпочитают ждать у моря погоды и полагаться на «всеспасающий» самотек.

Репертуарный сектор, создаваемый в настоящее время при Управлении театрами в Комитете по делам искусств, призван сыграть, несомненно, большую роль в преодолении той стихийности, которая царит еще в практике многих театров — вот почему совещание так положительно отнеслось к идее создания этого сектора. Здесь будет сосредоточена работа по распространению советских пьес и переводу иностранных, здесь будет установлена прочная связь с драматургами; с ними будут договариваться о темах, им помогут в работе над пьесой, в установлении контакта с творчески-родственными им театральными коллективами и т. д. Путем организации конкурсов, путем прямых заказов и ряда других мероприятий репертуарный сектор будет добиваться того, чтобы интересующая нашу общественность тематика была полнее и разнообразнее представлена в репертуаре.

В этой связи сужаются функции Главреперткома. Теперь уже не Главрепертком, а Комитет по делам искусств будет решать вопрос о приемлемости и неприемлемости и о праве распространения пьесы. Главрепертком же будет разрешать или запрещать спектакли, подготовленные театром.

Внесены будут изменения и в самую систему распространения пьес. Пьесы, признанные годными Комитетом, можно будет распространять по периферии до того, как они пойдут в Москве. С этим связан и вопрос об авторском праве, которое должно быть, по словам т. Боярского, перестроено на началах, стимулирующих повышение художественного качества произведений, помогающих установить правильные взаимоотношения между государством, приобретающим произведение, и драматургом, который его создает.

На совещании было поднято много творческих вопросов, чему немало содействовало то обстоятельство, что активное участие в прениях по докладам приняли и драматурги (В. Киршон, В. Гусев, К. Финн, О. Прут). Обсуждение этих вопросов, — в частности, обсуждение пьес Киршона «Большой день» и Корнейчука «Банкир» — не всегда, правда, отличалось должной полнотой и систематичностью, но это своего рода накладной расход, неизбежный при осуществлении нового мероприятия, каким является совещание по репертуарным вопросам. Отныне эти совещания станут системой в практике Всесоюзного комитета по делам искусств. Это, несомненно, позволит шире охватить производственные нужды советского театра и не в малой мере поможет установлению творческой связи между театром и драматургом, что является одной из решающих предпосылок для развития советской драматургии и расширения ее кадров.

Делегаты совещания с большим одобрением отнеслись к предложению т. В. Киршона об установлении Комитетом по делам искусств ежегодной премии за лучшую пьесу и за лучшую постановку этой пьесы и о созыве творческого совещания актеров, режиссеров и драматургов.

Я. Р.

Советские писатели приветствуют приговор суда, покаравшего подлую троцкистско-фашистскую нечисть

Общемосковское собрание писателей 30 января

Мы непобедимы!

Доклад А. Фадеева

Судебный процесс, вскрывший целую серию чудовищных преступлений против народа, совершенных троцкистским центром и его агентами, как бы подвел итог всей деятельности троцкизма на протяжении нашей революции, итог всей борьбы Троцкого и троцкизма против ленинизма, против партии Ленина — Сталина более чем за 30-летний срок. И эти итоги бесславные и позорные. Каким путем троцкизм пришел к этому бесславному и преступному концу?

Показания Пятакова, Радека и Сокольникова вскрыли ту программу, если только можно говорить о программе, потому что преступления этой кучки людей носят, по существу, уголовный характер, — те суб'ективные программные «установки», которые они перед собой ставили. Что это за программа? — Это программа реставрации капитализма в нашей стране. Поскольку с точки зрения этих предателей построение социализма в одной стране невозможно, они стремились «выравнять» строй СССР со строем окружающих капиталистических стран. Для этого они предполагали внутри страны опереться на остатки кулачества, на все антисоветские силы, а так как их внутри страны недостаточно, то и на контрреволюционную буржуазию извне, на фашистские страны и их охранки, и при помощи этих фашистских стран и их охранок, добиваясь поражения СССР в войне, идя на ряд территориальных уступок и на сдачу всех позиций социализма (сдача предприятий в концессию, ликвидация колхозов, роспуск совхозов, восстановление частной торговли) — обеспечить приход троцкистов к власти. Иуда Троцкий в письме к своему лакею Радеку в конце 1935 года пытался определить характер этой власти и этого строя. Он говорил — можно ли в таком государстве обеспечить буржуазно-демократический строй? Нет, поскольку приход к власти мыслится при помощи фашистов, буржуазно-демократического строя не может быть. Будет диктатура. Какая диктатура? Тут Иуда Троцкий привел «историческую аналогию»: эта диктатура будет походить на наполеоновскую империю после Великой Французской революции, т. е. это будет, дескать, значительное отступление по сравнению с якобинским взлетом Великой Французской революции, но это будет все же «сохранение» некоторых завоеваний, подобно тому, как Наполеон сохранил основные завоевания буржуазной революции во Франции.

Эта «программа» сама по себе является открытой программой реставрации капитализма. Нечего и говорить, что здесь не только не пахнет марксизмом — какой уж тут марксизм, — это вся программа авантюристическая и путь ее осуществления авантюристический. Для любого человека, не утратившего разума, эта «программа» характеризует эту группку людей не только как преступников и реставраторов капитализма, но и как людей неумных и авантюристов: группка разложившихся буржуазных интеллигентов-отщепенцев воображала, что она сможет маневрировать между классами. А по существу она превратилась в игрушку в руках фашизма, стала агентурой фашизма. По существу это была фашистская группа внутри нашей страны, ведшая контрреволюционную борьбу против народа и советской власти.

Как получилась эта фашистская программа? Она выросла из старой антиленинской контрреволюционной теории Троцкого и его присных о невозможности построения социализма в одной стране.

На чем базируется положение Ленина—Сталина о возможности построения социализма в одной стране? Оно базируется на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о неравномерности развития капитализма, особенно в его империалистической стадии, когда в период потрясений, революционных взрывов цепь империализма рвется в наиболее слабых звеньях. Почему победила пролетарская революция у нас? Одна из главнейших причин та, что старая Россия являлась слабым звеном в цепи империализма. И был налицо суб'ективный фактор: русский рабочий класс уже два десятилетия нес знамя революционной борьбы в авангарде международного рабочего движения и имел великую партию Ленина—Сталина, прошедшую гигантский опыт революционной борьбы. Именно потому рабочий класс нашей страны взял власть в свои руки и получил все возможное и необходимое для победы над врагом и для построения социализма в нашей стране.

«Учение» Троцкого о невозможности построения социализма в одной стране — капитулянтская теория, прикрывающая неверие в социализм, желание, чтобы капитализм существовал на земле вечно. Отсюда, от этой меньшевистской концепции Троцкий и пришел с неизбежностью к программе прямой контрреволюции, к программе фашистской, потому что фашизм сейчас это самая большая и активная сила капитализма, которому он, Троцкий, всю жизнь старался служить.

Иногда задают вопрос: каким образом ряд людей, которых считали как бы за революционеров, каким образом они скатились к этой контрреволюционной программе? Они сами в своих последних словах говорят, как это получилось: в условиях той борьбы, которая идет сейчас в мировом масштабе, они пошли против ленинско-сталинской линии революции, против сталинского руководства и неизбежно должны были скатиться в лагерь контрреволюции. Логика борьбы привела их туда с неизбежностью.

Что представляет собой Троцкий? Троцкий это человек, который случайно, на очень коротком этапе примкнул к революции. По существу же на протяжении всей своей биографии он боролся с Лениным. Самые сильные слова презрения и ненависти были адресованы по отношению к нему со стороны Ленина, потому что Иуда Троцкий в рабочем движении всегда играл роль предательскую, соглашательскую. Это Ленин называл его Иудушкой Троцким. Ленин называл его авантюристом в рабочем движении. Эта характеристика Ленина подтвердилась целиком и полностью.

Известно, что сподвижник Троцкого Пятаков не только после революции, но и на протяжении своей дореволюционной деятельности неоднократно выступал против Ленина— и в 1915 г. и в 1916 г. Под псевдонимом Киевского он проводил в своих статьях троцкистскую точку зрения о невозможности победы социализма в одной стране.

Он выступал против теории Ленина — Сталина в национальном вопросе. На протяжении многих лет при советской власти он был верным лакеем Троцкого.

Что представляет собой Радек? Радек это человек без роду, без племени, без корня. Это порождение задворок второго интернационала, заграничных кафе, вечный фланер, перелетчик и туда и сюда. Русский рабочий класс, пришедший к власти, пытался его переделать, но Радек предпочел гнить заживо и пошел в троцкистское подполье.

Не случайно в штабе этой банды большое количество осколков буржуазной интеллигенции. Сам обер-лакей фашизма Троцкий и его союзники и подручные Зиновьев, Каменев, Радек, Пятаков, Сокольников, Бухарин — это выходцы из буржуазно-интеллигентской среды, примкнувшие в той или иной форме к рабочему движению и оказавшиеся чуждыми ему, отщепенцами. Не потому, что вообще нет и не может быть выходцев из буржуазных классов, которые бы верой и правдой служили рабочему классу, — такие случаи были, могут быть, и возможны вполне, — но не случайно, что именно в этой контрреволюционной группе было так много буржуазных интеллигентов. Это имеет также свое теоретическое и жизненное об'яснение. Как вы, должно быть, знаете, русская буржуазия в силу своей слабости, давно пошла на компромисс с царизмом и самостоятельной политически-прогрессивной роли не играла. Великий русский рабочий класс, разрешая социалистические задачи революции, должен был попутно решать и буржуазно-демократические задачи. На этой почве, прикрываясь социалистической фразеологией, примыкали к революционному движению рабочих отдельные осколки буржуазной интеллигенции. Они примыкали к рабочим, как к самой активной, передовой силе, способной сбросить царизм.

Но наша революция — социалистическая. И как только мы вплотную подошли к решению социалистических задач, это оказалось этим господам не по вкусу.

При переходе революции с одного этапа на все более и более высокий этап, только истинные сыны своего народа, лучшие люди рабочего класса, пролетарские революционеры, которые создавали партию и пестовали рабочий класс в духе революционных задач, люди, революционная деятельность которых протекала в царском подполье, в тюрьмах, в ссылках, люди, у которых теория марксизма-ленинизма непосредственно сочеталась с практикой создания кадров революции, — только такие люди могли стоять и стоят во главе партии и страны. Они поставлены народом и всем ходом истории, как такие люди, которым по плечу задача вести наш социалистический корабль по правильному маршруту. Тот, кто отходил от этого сталинского руководства, изменял ему, неизбежно попадал к врагам.

Еще в 1931 году в своем письме в журнал «Пролетарская революция» товарищ Сталин подчеркивал, что «троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущий борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР». Это оправдалось вполне.

В чем состояли преступления этих людей. Во-первых, в измене родине. Наверху Троцкий договаривался с Гессом, пониже — Радек и Сокольников договаривались с господами Х. и К., а Князев, Ратайчак и Шестов претворяли результаты этой договоренности в жизнь, имели дело с диверсантами и шпиками и сами проводили диверсии и шпионаж. Во-вторых, во вредительстве и диверсионно-разрушительной «работе». Пятаков был заместителем наркома тяжелой промышленности, Лившиц сидел на транспорте. Эти люди, благодаря неразоблаченному двурушничеству, вошли в доверие и, прикрываясь своим положением, сумели развернуть вредительскую и диверсионную работу. В этой работе установили смычку с антисоветскими силами, с инженерами-вредителями, с иностранными агентами, шпионами, диверсантами, с охвостьем кулачества. Нужно подумать, сколько пришлось дополнительно затратить народного труда, чтобы все же, несмотря на эти диверсии, шагать и шагать вперед. В этом сказалась могучая сила социализма, сила миллионов трудящихся нашей страны. Никому не удастся остановить этот исторический победоносный ход социализма. Пришлось только больше трудиться. Ведь троцкистский центр за границей и то находился на содержании нашей страны, жил и «работал» на наши народные деньги, благодаря тем переплатам, которые делались двум германским фирмам предателем Пятаковым. Но один процент прироста нашего бюджета в истекшем году равен всему бюджету дореволюционной России. Вот как шагнула вперед наша страна.

И, наконец, террор. Известно, что их разрушительная деятельность сопровождалась массовым убийством рабочих, краснофлотцев, детей.

Они хотели произвести одновременное убийство вождей народа, но это им не удалось, ибо наших вождей бережет не только НКВД, их бережет весь народ. Да и человеческий материал у этих предателей, к нашему счастью, оказался трусливым. Возьмите фигуру Арнольда: международный авантюрист, прошедший огонь, воду и медные трубы, жулик, проходимец, но к нашему счастью, трус.

Эта контрреволюционная шайка оказалась сосредоточением всего, что есть антисоветского внутри нашей страны. Тут сомкнулись три антисоветских течения — правые, зиновьевцы и троцкисты. Блок был полнейший и программа одна.

Благодаря своему двурушничеству, благодаря смычке с международным фашизмом, эти изменники родины превратились в ведущую и крайне опасную силу международной контрреволюционной фашиствующей буржуазии. Но смешно было бы думать, что наш рабочий класс, наши колхозники, наши трудящиеся, построившие социализм, отступят перед такими силами. Советский Союз стоит непоколебимо.

Троцкий учил своих лакеев: нужно вредить так, чтобы горняк, спускаясь в шахту, летчик, садясь в машину, танкист, садясь в танк, красноармеец, одевая противогаз, чувствовали бы недоверие к этому детищу сталинских пятилеток. Вот что мерещилось Троцкому, вот чего он добивался! И все же, несмотря на такую гнусную тактику, наша авиация шла вперед, химия шла вперед и за короткий срок прошла тот путь, который западноевропейские страны проходили в течение столетия. Наши самолеты, танки, орудия и противогазы на практике показывают себя как достойные детища сталинских пятилеток, с помощью которых мы можем отразить любого врага.

Наша партия, наш рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция смело несут вперед знамя социализма. Мы непобедимы. Если только фашисты посмеют на нас напасть, они будут разбиты и уничтожены. Наша страна является носителем всего самого прогрессивного в мире и все, что есть лучшего в человечестве, идет под наше знамя.

В заключение — некоторые выводы в отношении нашей литературной среды.

Нельзя думать, что «деятельность» Каменева, Радека, Бухарина, Сокольникова, Пикеля, Тер-Ваганяна, имевших непосредственное отношение к литературе и связанных с литературной средой, прошла бесследно. Те отдельные элементы колебаний, которые иногда бывают в нашей литературной среде, не являются чем-то случайным, и тут надо ясно представить, откуда они идут. Враги работают среди нас. Сейчас вырвали главное ядро их, но остаточки еще есть. Из нашей партийной и непартийной среды были из'яты враждебные элементы, связанные с контрреволюционными силами, некоторые были исключены из партии. Но есть еще и невыявленные, которые и до сих пор продолжают оказывать свое влияние в нашей среде. Здесь требуется особая бдительность, тут ничего нельзя брать на веру, надо смотреть, откуда идут те или иные колебания, кто ими может воспользоваться. Правда, некоторые обыватели сейчас заявляют: ума не приложу, кому теперь можно верить?

Это глупо и пошло. Никакая деятельность без доверия невозможна, и наша партия сформировалась на большом взаимном доверии революционеров. Но доверие и доверчивость — вещи разные. Политическое доверие основано на точном знании деятельности данного человека, на полном учете возможностей и способностей этого человека. Тут возможна и необходима критика, товарищеская критика ошибок, допускаемых тем или иным из товарищей. Это есть доверие. А доверчивость — это ротозейство, дающее возможность для работы врага.

Я допускаю возможность и вредительской деятельности в области идеологии, которая может выражаться не только в скрытом протаскивании враждебных теориек, а и в подгонке глубоких жизненных положений марксизма-ленинизма под схематические простенькие упрощенные формулы. Ведь подвизались в театральной критике такие люди, как Пикель и ряд других троцкистов. Эти люди могли, прикрывая революционной фразой контрреволюционное нутро, подсовывать всякого рода штампы и упрощенные формулировки. Это также надо иметь в виду. Я призываю вас, товарищи, к неослабной революционной бдительности. **(аплодисменты).**

Бороться с маскировкой врага

Из речи К. Федина

Я считаю, что Мартин Андерсен-Нексе сказал очень верно: мы, советские писатели, должны сделать попытку изобразить всю глубину падения людей, которые сейчас уже устранены из нашего общества.

Троцкий внушал Пятакову, что «речь идет, в полном смысле этого слова, о государственном перевороте со всеми вытекающими отсюда последствиями». Троцкий мечтал сменить эпоху.

Радек подробно изложил содержание всех писем Троцкого, и когда говорил о так называемом втором письме, то привел рассуждения Троцкого о власти.

Троцкий собирался, распродав страну иностранцам, отдав ее фашистам, учредить подобие наполеоновского режима, который, видите ли, был исторически не реставрацией, а «попыткой сохранить из революции то, что можно».

Но что же, собственно, по его мнению, можно было сохранить из революции при условии восстановления капиталистического строя—это уже никому непонятно.

Существенно важно, какие планы высиживались в змеином гнезде троцкизма, во что собирались они превратить государство социализма? Этот процесс—великий урок политической блительности, и об этом я хочу сказать.

Очень часто говорили во время процесса, что эти человекоподобные не имеют ни совести, ни стыда и проч. Однако, мне кажется, что у них есть своя «совесть». Убийца говорит сообщнику: «как тебе не грех, ты только проломил ему голову, а уговаривался — прикончить». Пятаков рассказывал о поездке на Средуралмедстрой:

«Надо сказать, что когда я весной 1935 г. был на этой стройке, то увидел, что вредительская работа так бессовестно грубо велась, что самому поверхностному наблюдателю было видно, что на строительстве неладно. Мне пришлось в этом отношении Жарикову, начальнику строительства, дать указание, чтобы быть осторожнее, как-нибудь сманеврировать, проявить хоть какую-нибудь энергию в строительстве, начать строительство» и т. д.

О «совести» Троцкого. Он тоже озабочен тем, чтобы не подумали, что он бросает слова на ветер. У него есть своя «честь», свое «слово». Он говорит Пятакову. «Чрезвычайно важно усилить активную... террористическую деятельность, чтобы иностранные правительства увидели, что они имеют перед собой не просто человека, который говорит от своего собственного имени, а конкретную реальную силу». Чтобы они, так сказать, видели, что имеют перед собой человека «честного», «преданного». И дальше «честный человек» рассказывает Пятакову, другому «честному человеку», о своих переговорах с Гессом.

«Совесть» там, где преступник находится в действительности, им принятой, и отсутствие совести, стыда, порядочности, морали там, где действительность отвергается, не признается. Воры и убийцы в тюрьме, их блатная «совесть»—на общепризнанной тюрьмою блатной «высоте». Там есть в изобилии «честные» воры, «честные» убийцы.

Но надо помнить, что у троцкистов была другая совесть, которой они оперировали в непризнанной ими нашей действительности, как защитной краской, своего рода сепией, когда они выступали официально в своих занимаемых ими при дневном свете должностях. Тот же Пятаков в роли зам. наркома говорит с тем же начальником Средуралмедстроя, и вы можете себе представить, что это за разговор в кабинете этого начальника, на строительстве, когда Пятаков усовещевает его, чтобы он устранил непорядки и проявил энергию.

И тут встает вопрос о блительности. Я говорил после августовского процесса на собрании писателей в редакции «Нового мира» по поводу трудности распознавания врага, что эта трудность заключается в том, что врагу легче всего маскироваться, прикрываться общепринятыми формами общественного поведения. Враг маскируется очень часто своими общественными выступлениями, демонстрациями и т. д.

За период времени от августовского процесса до нынешнего жизнь дала замечательный пример маскировки некоторой общественной внешностью, маскировки под политическую «благонамеренность» и «благонадежность». Это—пример «знаменитого» теперь уже Пятакова, который написал, как вам известно, по поводу августовского процесса следующее:

«Надо дойти до самых низин человеческого падения, надо пасть ниже Азефа и Малиновского, чтобы создать эту отвратительную систему непрерывной чудовищной лжи и провокации.

Мне нестерпимо стыдно вспомнить о том, что и я в 1925—1927 годах шел вместе с этими бандитами».

Но нужно еще припомнить, что Пятаков в устных высказываниях заявил, что «готов собственноручно расстрелять негодяев», которые, как теперь известно, являлись его сообщниками.

Как же бороться с маскировкой врага, как рассеивать непроглядную сепию, которую распространяет враг, как защитную маскировочную муть? Это очень трудно, для этого нужна и политическая и техническая сноровка.

В нашем быту мы должны обеспечить высокие нормы поведения, должны подумать о чести, не как об абстрактной категории, а как о понятии, наполненном конкретным содержанием. В нашей среде должна культивироваться верность слову, обещанию, верность советскому товарищу, советскому обществу, советской стране.

Честь советского писателя, репутацию советской литературы мы должны культивировать, нести высоко, в особенности в нашей среде, где слово является материалом общения между нами и миллионами читателей.

Мы должны требовать друг от друга, от каждого гражданина, и, прежде всего, каждый от самого себя, этой верности советскому товарищу, советскому слову и советской чести. Это есть бытовая необходимость, из которой вырастет вообще норма поведения советского гражданина.

Вот над этим мы должны работать.

«Библия позора»

Из речи Вс. Иванова

Те несколько дней, которые мы провели в суде над троцкистами, были днями жизни нашей на самых передовых позициях фронта борьбы против фашизма.

С омерзением, с ужасом, с удушием смотрели мы на этих мерзостных предателей и убийц, поднявших руку на лучших людей рабочего класса, на лучшие достижения нашего народа! С потрясением, почти невыносимым, слушали мы эти страшные рассказы о том, как старались эти негодяи, чтобы над нашим трудом, над нашими нивами и заводами пронесся так же, как совсем недавно над Испанией, фашистский пароль: «Над всем Союзом безоблачное небо».

Но небо Советского Союза оказалось совсем иным, чем небо Испании, хотя за последние месяцы и то небо значительно переменило свою окраску. Небо Советского Союза достаточно грозно наполнено нашими самолетами, а сердца и винтовки жителей нашей страны хорошо охраняют радиостанции социализма!

Фашизм — это библия лжи и предательства, библия злодеяний, библия надругательства над всем лучшим, что имеет человечество, — это библия позора. И то, что мы слышали в суде — это иллюстрации этой библии, потому что для иллюстраций выбирается все наиболее сжатое из того, что есть в книге.

Фашизм и троцкизм, как это выяснилось с потрясающей силой на этом процессе, — это одно целое. Троцкизм и бандитизм — это тоже целое. И вы читали, а мы слышали и видели тому неопровержимейшие доказательства.

Пятаков, Серебряков, Сокольников и Радек, по указке бешеного пса войны и смерти Троцкого, сделали все, что могли, дабы возможно больше нанести вреда стране социализма. Холодные, бездушные самолюбцы ненавидящие страну социализма, ненавидящие свою родину, они делали все, чтобы уничтожить ее, они шли на любые злодеяния и предательства, и все-таки им не удалось оторвать ни одной доски, не удалось выбить ни одного камня из здания нашей родины, такого камня, который хоть бы несколько повлиял на сохранность здания, на его устойчивость.

Бездушные эти самолюбцы, наполненные чудовищной ненавистью к социализму, настолько презирали народы Союза, что могли предполагать, будто можно безнаказанно оторвав от страны ее лучших людей, ее территории — Дальний Восток и Украину — все же остаться в ней целыми, невредимыми, править ею и прививать ей штыками японцев и немцев яд собственности и капитализма.

Радек, этот наиболее болтливый бандит всей шайки, постоянно выпячивающий себя на первое место, — приемами ли, гримом ли бездарного клоуна, многоглагольствованием ли, — в последнем слове своем говорил, что нет оснований называть его уголовником и бандитом. Они, видите ли, не могут считать бандитизмом и уголовщиной запродажу нашей страны Японии и немцам! Кража планов строительства, передача важнейших народных тайн — это, видите ли, не бандитизм и уголовщина, — не потому ли, что слишком крупны эти кражи? Это не бандитизм — если нельзя украсть и перевезти заводы капиталистам сейчас, то их надо уничтожить, разрушить, взорвать! Если нельзя повести за собой народ, то его уничтожают, пускают поезда с защитниками народа под откос, готовят отравления. А если нельзя окопы приблизить к Москве, то надо устраивать террористические акты и готовить убийства вождей нашей страны. Троцкистов унижает, видите ли, прозвище бандитов! Их, видите ли, унижает то, что им не верят и говорят им — вы лжете, вы скрытничаете, вы не выдаете еще всего.

Едва ли наблюдало человечество такие низины падения людей!

Троцкизму, этому мерзейшему и ужаснейшему явлению, сегодняшним приговором Верховного Суда нанесен справедливый и верный удар.

Предатели родины, убийцы, шпионы, фашистские выкормыши должны быть уничтожены, — и они будут уничтожены! Голова троцкизма, этого шевелящегося и смердящего трупа, будет разгромлена, но трупный яд — очень опасный яд, и он еще остается в когтях фашизма. И, раздробляя голову троцкизму, нам подобает быть зоркими и напряженными защитниками нашей родины и наших границ.

Долг нас — писателей — быть бдительными политически. Но помимо политической бдительности, нам необходимо развивать и укреплять бдительность творческую, укреплять сознание огромной важности нашего писательского дела. Уничтожение фашизма нами, писателями, может быть осуществлено показом того высокого и благородного человека, который вырос в нашей стране, — показом тех замечательных людей, которые боролись за великую социалистическую революцию, за социализм, которые, погибая на фронтах гражданской войны, восклицали нам: «Товарищи, мы оставляем вам счастье, цените его!»

И чем больше мы покажем благородных, мужественных, смелых и преданных людей, чем лучше покажем страну в ее замечательнейшем творческом развитии, чем больше будет вдохновенных и высоких книг и песен, — тем ближе будет победа социализма во всем нашем прекрасном и любимом мире, тем тучнее будут наши нивы, тем славнее будет мирный труд нашей удивительной страны. **(Аплодисменты).**

Голос советских писателей

НА ОБЩЕМОСКОВСКОМ СОБРАНИИ 30 ЯНВАРЯ

Суд вынес свой суровый и справедливый приговор.

Банда вконец разложившихся холопов фашизма, презренная агентура Гестапо, готовившая человечеству новую беспримерную бойню, получила по заслугам.

Сотни тысяч людей вышли в этот день на улицы красной столицы, чтобы заявить о своей солидарности с решением советского суда, чтобы продемонстрировать снова и снова свою неугасимую ненависть к врагам революции и беззаветную преданность вождям партии, чтобы заявить о своей готовности бить фашистскую гадину до ее последнего издыхания, о готовности защищать социалистическую родину до последней капли крови.

С той же страстной силой прозвучала присяга верности любимому вождю народов Сталину на последовавшем за демонстрацией собрании московских писателей.

Давно уже с трибуны союза писателей не звучали такие возбужденные речи, — каждое слово было пронизано глубоким сознанием ответственности перед партией и страной в эти дни.

«Библия позора» — зло охарактеризовал Вс. Иванов историю троцкистских выродков, совместно с их шефом скатившихся в помойную яму фашизма, шпионажа, вредительства, террора. Писатели — Г. Лахути, А. Фадеев, В. Ставский, Ф. Березовский и др. — восстановили в памяти аудитории первые главы этой «библии», главы, повествующие о систематическом предательстве, о блудливых виляниях и перебежках на каждом серьезном этапе революционного движения, о вечном сопротивлении ленинско-сталинским принципам, о вечной панике при соприкосновении с действительностью и борьбой.

Во всей своей претенциозной пустоте, во всей омерзительности их кровавого гаерства ожили фигуры Троцких и Радеков, жалких шутов, с первых же шагов своей деятельности неустанно примерявших на своих головах бонапартистские треуголки.

Для этих человекообразных существ на первом месте всегда была личная амбиция. В жертву своим мертворожденным доктринам они всегда готовы были приносить — и приносили — все, что могло в той или иной степени укреплять позиции революционного пролетариата.

Теперь эти подлые шулера, не брезговавшие никакой игрой, поставили на карту социализм, советскую страну, родину всего передового человечества.

— Какая бездна падения! — почти кричит от ярости датский писатель Мартин Андерсен Нексе, присутствовавший в последние дни на процессе: — Какая низость! Представляете ли вы себе, что значит для нас, людей Запада, Советский Союз? Это наша единственная надежда, единственный маяк, светящий усталому человечеству.

Те же мысли высказал и другой революционный писатель Запада — Иоганнес Бехер. Он клеймит троцкистов, как троекратных изменников — как изменников родины, социализма и человечества:

— Кто бьет троцкистов — бьет Гитлера, бьет фашизм!

Первая встреча с передовым отрядом фашизма показала с очевидностью — что ждет тех, кому придет в голову мысль покуситься на социалистические границы.

— Разве в свете процесса, — спрашивают А. Новиков-Прибой, Вс. Иванов, Вс. Вишневский и др., — не видно стало всему миру, какую громадную силу представляет собою наша страна, как велика преданность народных масс делу Ленина, делу Сталина?

Именно эта преданность, эта высокая сознательность, пламенный патриотизм всего населения могучей советской страны и явились тем железным барьером, о который разбились все гнусные помыслы и ухищрения троцкистской шайки.

Никакие вредительства, никакие предательские акты не смогли и не могут остановить поступательного движения социализма, ставшего явью в нашей стране, облекшегося в плоть и кровь, и, как реальная действительность, гениально отраженного в простых и величественных формулах сталинской Конституции.

В свете процесса вырисовался также с небывалой еще остротою и комплекс задач, стоящих перед советской литературой и писательской средой. Об этом горячо говорили Л. Никулин, В. Герасимова, В. Инбер, В. Киршон, К. Федин.

Мы вплотную ощутили дыхание войны. Почему же в таком пренебрежении у нас оборонная тематика? Оборонная **в самом точном, военном** смысле слова, а не в том понимании, которое свойственно некоторым любителям «резиновых» теорий, подводящим под категорию оборонного любое произведение художественной литературы.

Нет, нужно прекратить игру в прятки! Нужно четко и резко сформулировать требования к писателям о том, чтобы они активнее взялись за военную тематику, чтобы они поставили себе прямую задачу — вооружить нашего читателя «военной психологией», подготовить его к близким и неизбежным боям с фашизмом.

Японские империалисты буквально наводняют свои книжные рынки военно-художественной литературой, рассчитанной на разжигание низменных шовинистических инстинктов.

Так разве не прямая обязанность советских писателей противопоставить этой гнусной макулатуре, засоряющей мозги сотен тысяч людей, искусство, одухотворенное высокими идеями социализма, поток произведений, мобилизующих на последний бой с капиталистическим миром?

Особо стоит вопрос о борьбе за чистоту писательских рядов, о создании такой атмосферы, которая парализовала бы всякие попытки вредительства в области идеологии. Ведь не приходится доказывать, что и на этом участке троцкисты и сомкнувшиеся с ними правые отщепенцы пытались, — иногда не безуспешно, — оставить свой след.

Нужна срочная «дегазация» зараженных мест, — по определению А. Безыменского. Нужны и серьезные профилактические меры. При этом нельзя, однако, ограничиться патетическими фразами о бдительности. Это понятие должно быть раскрыто с абсолютной конкретностью.

Наиболее удачно это делают на собрании К. Федин и В. Герасимова. Они призывают к суровой борьбе за внедрение в быт писателя новых этических норм, возникающих в огне социалистической стройки. Они подчеркивают: там, где есть подлинная принципиальность, там, где есть искренняя убежденность, ненависть к компромиссам, к двоедушию и карьеризму — там нет и не может быть места для троцкистских влияний, туда и не сунутся троцкистские последыши.

Все творческие силы, вся наша классовая ярость, вся революционная страсть и мысль должны быть мобилизованы на создание образцов искусства, достойных грозной и великой эпохи, достойных народа, который так гениально строит новую светлую жизнь.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Хроника

Осужденные Военной Коллегией Верховного Суда СССР по делу антисоветского троцкистского центра — Пятаков Г. Л., Серебряков Л. П., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Шестов А. А., Пушин Г. Е., Ратайчак С. А., Богуславский М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Лившиц Я. А., Норкин Б. О. и Князев И. А. обратились 30-го января 1937 года в Президиум ЦИК СССР с ходатайством о помиловании.

В своем заседании от 31 января с. г. Президиум ЦИК СССР ходатайство всех осужденных о помиловании отклонил.

Привет славным работникам НКВД и их руководителю Н. И. Ежову, охраняющим завоевания Великой социалистической революции!

Общемосковское собрание писателей 30 января

Сплотим писательские ряды

Из речи В. Ставского

Товарищи! Чувство облегчения испытываешь, когда знаешь, что вслед за бандой Зиновьева, Каменева, Смирнова изобличена и уничтожена еще шайка Пятакова и других.

Чувство облегчения и радости испытываешь, когда знаешь, что нанесен еще один сокрушительный удар врагам народа.

Почему признавались в своих преступлениях они, опытные конспираторы, «крупные» люди, не стеснявшиеся в восхвалениях самих себя? Их ломала правда, ленинско-сталинская правда, правда нашей победоносной страны, наша великая, могучая родина сломила их.

Скулы каменеют и сжимается сердце, когда в мыслях перебираешь чудовищные преступления перед родиной, о которой поэт сказал проникновенные слова — «Бережем, как ласковую мать».

Мы ее дети, а у нас есть свои дети. И вот, дети — радость наша, счастье наше, наше будущее, — что готовили этим детям враги народа? Рабство, батрачество, кабалу. У нас с вами дочери и сыновья — какое будущее готовили им эти враги народа? Тьму кромешную, всю адскую тьму капиталистического строя — вот что готовили для наших детей.

С чувством облегчения и радости переживаешь: нанесен еще удар, удар нанесен крепкий. Но надо помнить: враг, главный враг народа — он еще на свободе; это Троцкий, это правые — Бухарин, Рыков, Угланов, тоже злейшие заклятые враги народа, это те, которые еще не разоблачены, которые хотят пускать поезда под откос, чтобы вновь пылали во тьме ночей цистерны, озаряя ночное небо и снег, чтобы вновь крошились вагоны, чтобы вновь в глухих степях стонали раненые, изувеченные стахановцы и защитники-бойцы нашей великой родины. Об этом не надо забывать.

Не надо забывать, что враги еще есть в нашей стране, их вдохновляет капиталистическое окружение, они срослись, спаялись с Гестапо, с японской разведкой.

И никак не надо забывать, что и в нашу писательскую среду они пролезали и пытаются пролезть. Мы должны вспомнить то, что было сказано нами на наших собраниях осенью, должны перебрать в памяти все факты проникновения классово-враждебных элементов для подрывной работы у нас, на идеологическом фронте.

У нас, в союзе писателей, несколько молодых были сведены с правильного пути. В этом виноваты и мы, потому что позволили классовому врагу в нашу среду проникнуть, а он обработал молодежь.

Помните, что к бдительности призывает нас, бдительности учит нас великий, родной Сталин.

Нет сомнений в том, что основная масса советских писателей — люди, преданные делу Ленина—Сталина, преданные партии, готовые, если понадобится, умереть за дело Ленина—Сталина, за самого Сталина (**Продолжительные аплодисменты**).

Вслед за А. М. Горьким говорим мы: если враг не сдается, его уничтожают, и для нас расстрел врага, уничтожение врага есть проявление того великого гуманизма, который во имя охраны завоеваний миллионов трудящихся, во имя охраны радостной и счастливой жизни народов, уничтожает кучку презренных негодяев.

А в практике писателей это значит — бдительность на каждом шагу, сплочение всех наших писательских рядов, и такая работа, примеры которой дают нам величайшие деятели и величайшие герои нашей страны. (**Аплодисменты**).

«Сие от них не зависит»

Из речи Л. Никулина

Товарищи! В течение 7 дней мы, группа писателей, находились на процессе, в течение 7 дней, начиная с того момента, когда комендант суда в первый раз об'явил—«Прошу встать!» — и до момента, когда судьи вышли в последний раз, чтобы огласить приговор. Все эти 7 дней утром и вечером мы не покидали заседания суда.

Это был захватывающий и поучительный урок.

В небольшом Октябрьском зале перед нами проходили картины прошлого. Вот перед нами под охраной всего трех красноармейцев за деревянной перегородкой сидят преступники. В первое мгновение, как только их ввели, каждый из нас почувствовал какое-то смятение. Это не был страх, нет, это было как бы чувство недоверия своим глазам. Очень долго они маскировались, очень долго они были «спетой» компанией, как говорил Радек.

И вот перед нами вставали картины прошлого. Я вспомнил процесс эсеров, где тот же Пятаков был председателем суда и судил эсеров в том же здании Дома союзов.

Я, наконец, вспомнил еще одно зрелище, которое наполняло меня отвращением и злобой: я видел, как один из обвиняемых стоял в почетном карауле у гроба Сергея Мироновича Кирова.

Я видел еще одну встречу у покойного А. М. Горького, когда тот же Радек паясничал, кривлялся и обличал наших французских друзей в том, что они неправильно понимают революцию.

Я видел еще: на приеме у Л. М. Кагановича я видел, как из его кабинета вышел Иуда Лившиц — тот самый, который передавал мобилизационные планы Уссурийской и Забайкальской дороги японцам.

Все эти воспоминания проходили передо мной, и ни на одну секунду у меня не возникало чувство человечности и желания в какой-то степени отнестись к подсудимым, как к людям.

Вот я закрываю глаза и вижу лысый череп германского фельдфебеля Ратайчака, германского шпиона с довоенным стажем, который предавал тайны нашей химической промышленности.

Я вижу чистенького, аккуратного, спокойного и выдержанного Сокольникова, который держится так, точно он боится замараться от Ратайчака. Точно он недостаточно замаран тем, что он сидит на этой скамье подсудимых.

Я вижу Князева — убийцу 29 красноармейцев — он сидит, наклонив голову, не поднимая глаз, но имеет бесстыдство просить снисхождения.

Наконец, я вижу Пятакова, этого Никиту Пустосвята с рыжей мочальной бородкой. Он как бы в глубокой задумчивости дает свои показания под дождем язвительных реплик Вышинского, настоящего воплотителя духа нашего народа, непревзойденного государственного обвинителя. Вышинский имел перед собой блестящего болтуна, такого мастера анекдотов с антисоветским душком, как Радек. Он дал Радеку высказаться. Но в конце он сразил его беспощадными репликами, и Радек поник и замолчал.

Дробнис с черной демонической бородой и восковым бледным лицом. Рядом с Дробнисом — Радек, похудевший, но с тем же театральным гримом, который он придумал себе много лет тому назад. Затем Муралов — как он именовался в первых приказах после Октябрьской революции — «солдат Муралов». Он молчал восемь месяцев, но дал трещину, потому что не хотел уйти в могилу — как некое знамя контрреволюции.

Наконец, Серебряков, Богуславский, Шестов. Шестов — вот удивительный экземпляр, выросший в троцкистском подполье. Он первый полез к Седову, прежде Пятакова, прежде Радека, он забегал вперед и предлагал себя для продажи. Он был обречен. Он понимал, что ему нельзя произносить слов — снисхождение и пощада — и он не произнес их.

Наконец, Лившиц, которого многие из нас видели здесь, в Доме писателя, когда он рассказывал о своей положительной, как он выражался, работе на транспорте.

Я не буду останавливаться на мелочи, на шпионе, которого когда-нибудь опишет Зощенко, на полукомедийном, полутрагическом персонаже— Арнольде.

Есть еще персонаж — русский человек Строилов. Прокурор спросил его с непередаваемой интонацией: «Как же вы, русский человек, пошли на это?». Он ничего не мог ответить на этот вопрос.

Я вспомнил о втором названии пьесы «Власть тьмы» — «Коготок увяз— всей птичке пропасть». Все началось, казалось бы, с незначительных вещей: скользило, катилось вниз и дошло до предела. Обо всем этом надо подумать многим из нас, и особенно тем, которые кокетничают так называемым индивидуализмом. Жаль, что нет здесь среди нас Пильняка. Правда, он был на заседании президиума и признал свою вину.

В свое время он помог деньгами Радеку, — ему следовало бы быть здесь, на общем собрании, чтобы понять все то, что было в последнем слове Радека. Радек говорил о либералах, которые из чувства либерализма помогали троцкистам, и предсказывал их судьбу.

Пильняк в президиуме союза писателей немного времени назад говорил о том, что он никогда не пытался делать никаких организационных выводов из своих мыслей. Это неверно. Он хотел иметь свой журнал. Он собирал вокруг себя группку. Над ними мелькала одна тень — тень троцкиста Воронского. Влияние Воронского еще не умерло, оно еще чувствуется. А между тем много времени прошло с тех пор. Мы знаем, как Воронский влиял на Ивана Катаева и на таких людей, которые были близки ему. Мы потеряли этих людей, может быть, именно потому, что у нас не было достаточной бдительности. И у них нет достаточной решительности, чтобы уйти от Воронского.

Есть целый ряд важных вещей, о которых следует подумать. Принцип так называемой экстерриториальности, которой добиваются для себя эти люди, выражается не только в том, что люди состоят в прочных связях с нашими врагами, и не в естественном для них тяготении к людям «инакомыслящим», людям вредным. Бывает в нашей среде и прямое неуменье себя держать в отношении тех людей, которые приезжают к нам с Запада. Это совсем не такие люди, как выступавший так прекрасно, так благородно здесь Андерсен Нексе. Разные люди приезжают к нам. И когда наши товарищи стараются играть в индивидуализм, потрясти их особой изощренностью психологий, тонкостью мыслей, они дискредитируют нашу массовую литературу. Можно одной только улыбкой сказать о романе «Как закалялась сталь» так, что приехавший с Запада человек подумает, что, может быть, это действительно не замечательное произведение.

Обо всем этом надо подумать. Надо подумать людям, которые легкомысленно либеральничают. Сейчас два мира стоят один против другого. Никакого виляния не может быть. Нужна прямолинейность, честность, искренность. Надо беречь здоровое зерно, которое есть в тебе.

В 1930 г. я был в Париже. Было плохое время. Тогда бежал изменник Беседовский, случилось «похищение» Кутепова. Я собирался в СССР. У меня было какое-то странное ощущение. Советских газет я не видел, я читал французские газеты, там было полное искажение перспективы. По французским газетам получалось так, что все катится в пропасть. Я пошел в торгпредство прочитать «Правду» и наши газеты, — я искал отдушину.

Я пришел в префектуру полиции, чтобы получить обратную визу на выезд, такой порядок — и полицейский шпик, прекрасно говорящий по-русски, сказал: «Вы едете туда, разве вы не понимаете? Там очень плохо».

Это еще больше меня убедило в том, что я должен спешить, и я поехал поездом вроде «Максима», потому что я не мог оставаться в Париже.

Эти 7 дней суда действительно перевернули много в душе каждого из нас. Два мира стоят друг против друга, и вилять тут нельзя.

Почему же им не удалось их мерзкое дело? Не удалось потому, что они наткнулись на противодействие масс. Троцкий нагло говорил о психозе строительства, который охватил массы, он это говорил Пятакову.

Это не психоз строительства. Это вдохновенье строительства. В этом вдохновеньи строительства причина того, что им не удалось одержать победу. Это признал осужденный Лившиц. Лившиц сказал, что приказ Кагановича № 183 он не мог сорвать, потому что в этом были заинтересованы сотни тысяч людей и против воли сотен тысяч людей он был бессилен. Он не мог остановить движение паровоза Огнева, паровоза Кривоноса, колонну машинистов-кривоносовцев, потому что, как сказал товарищ Сталин: «Сие от них не зависит».

«Сие от них не зависит». Они не смогут лишить нас победы в последнем и решительном сражении, из которого мы выйдем победителями. (**Аплодисменты**).

Могучий линкор революции

Из речи А. Новикова-Прибоя

Несмотря на вредительство, шпионаж, диверсии троцкистских бандитов, в нашей стране строительство социализма совершает чудеса. Прокладываются новые железные дороги, строятся металлургические гиганты, осваиваются все отрасли промышленности. Русская традиционная дубинушка уходит в предание. Свет знания проникает в самые отдаленные и глухие деревни. Нечего уже и говорить о крупных промышленных центрах. Немало мы побили рекордов в области авиации. Героизм в нашей стране стал повседневным явлением. А что такое наша Красная армия и наш Красный флот? Это не только мощная оборона советских границ. Нет, это еще школа, откуда, отбыв воинскую службу, выходят люди, настолько просвещенные, как будто они окончили среднее учебное заведение. Это будущие председатели колхозов, сельсоветов, бригадиры на разных предприятиях.

Я недавно побывал на Днепрогэсе. Человек оседлал реку, так поэтически воспетую Гоголем и Шевченко, и заставил ее работать на себя. Этим величественным сооружением управляют в одну смену только шестнадцать человек. А вы знаете, что это значит? Огромна мощь Днепрогэса, равная силе нескольких миллионов незримых рабочих. Все это стало возможным только после революции, только при социалистическом строе.

Какую же нужно иметь подлую душу, чтобы покушаться на родину, только что освободившуюся от рабства капиталистов и помещиков?

И на что надеялись троцкисты? Неужели эти гады думали, что они могут остановить жизнь, которая бурлит у нас во всех областях? Напрасные старания. Это так же бесполезно, как если бы вздумали они остановить Волгу, став против ее течения. Все равно: Волга сомнет их, затопит и унесет в неизвестность, как ненужный мусор.

Троцкисты понимали, что ни вредительством, ни бандитскими поступками внутри страны они не достигнут своей цели — раставрировать рабскую Россию. Поэтому им пришлось обратиться за помощью к фашистским государствам, подстрекая их скорее напасть на Советский Союз. Отсюда начинается самое страшное — шпионаж в пользу этих государств. Нет более тяжкого преступления, чем измена своей родине.

В августе месяце 1914 года немецкий крейсер «Магдебург», направляясь для боевых операций в Финский залив, отстал ночью от своего отряда, заблудился в тумане и сел на рифы около острова Оденсхольм. Утром к Оденсхольму пришли наши миноносцы и крейсера. Они открыли огонь по крейсеру «Магдебург». В итоге сражения нам достался негодный остов судна с вооружением и несколько десятков пленных. Начали искать секретные сигнальные книги. Морякам известно, что такие книги делаются со свинцовым корешком, чтобы, на случай сдачи, сразу утопить их в море. Были спущены водолазы. Одному из них повезло: он нашел на морском дне мертвого немца, прижавшего к груди какую-то книгу. Это оказалось то, что было нужно, — секретная сигнальная книга с немецкими шифрами. Копию с нее отослали в Англию. С тех пор и англичане, и мы, расшифровывая радиопередачи немцев, знали все, что делается в их флоте. Куда бы немецкие корабли ни направлялись для боевой операции, они всегда встречались с удвоенными силами противника. Так было в Балтийском море, так было и в Немецком море.

Вот какую роль сыграла только одна эта книга в ходе морских операций.

Я нарочно, товарищи, привел этот случай, чтобы лучше уяснить, какими бедствиями угрожали нам троцкисты. Некоторые из них стояли во главе предприятий нашей оборонной промышленности. Они знали, каким оружием мы владеем. Другие знали о работоспособности наших железных дорог. Таким образом фашисты получали самые ценные сведения о нашей стране из первых источников. Это будет поважнее той книги, о которой я вам рассказал.

Велик гнев народа против изменников родины. К счастью, они сели на скамью подсудимых раньше, чем началась война. Советский суд вынес им справедливый приговор.

Фашистские государства, оскалив зубы, рычат и злобствуют против нас, но не могут остановить нашего движения вперед. В стране, где уничтожено рабство, где нет эксплоатации труда, все народы слились в единое целое. Весь наш Советский Союз представляется мне в виде одного огромнейшего линкора. Имя ему — «Октябрьская революция». На его мостике неусыпно находится надежный и бесстрашный капитан — товарищ Сталин. Он знает все отмели, все подводные рифы житейского моря, он зорко следит за правильностью курса. И под руководством такого капитана, не боясь никаких бурь, несется могучий линкор с развевающимся красным флагом на корме в солнечную даль — к берегам братства всех народов, к торжеству социализма во всем мире. (**Аплодисменты**).

Звериное лицо

Из речи В. Герасимовой

Тов. Вышинский в своей обвинительной речи сказал, что во время процесса мы видели, как программа фашизма-троцкизма противостоит программе социалистического строительства, которое победоносно завершено в нашей стране. Он говорил — два мира, две программы: мир капитализма, мир фашизма и его программа, мир социализма, мир коммунизма и его программа.

Вождям законспирированного троцкистского центра представляется, что «подлинная сила», подлинная «культура» находится там, за рубежом Советского Союза, в том «порядочном» обществе, высшем обществе капитализма, в прихожих господина Гесса, японского господина Х. Люди, мыслящие понятиями капиталистического мира, лакейски видели только один свет в окне. Это было окно к господам капиталистам.

Если говорить, касаясь области политической, то эта программа резко выражена в стремлении верных агентов фашизма — троцкистов предать родину, торговать ее территорией, убить стахановцев, уничтожить великих вождей трудовой страны, сорвать победоносное социалистическое строительство.

Но эта политическая программа имеет свой психологический эквивалент. Все, вероятно, обратили внимание на одну фигуру процесса, которая много дает беллетристу, — я имею в виду Арнольда, или, как он себя называл, «Валентина Арнольда». Этот ничтожный обыватель-мещанин, этот маленький, узколобый человечишко всю жизнь томился безмерной жаждой к мелкому самоутверждению, безмерной жаждой прорваться в «высшие слои общества». Он совершал головокружительные путешествия в Америку, в Финляндию, в Мексику, он постоянно менял фамилии. Его родная, скромная фамилия Ефимов — Васильев ему не нравилась, он предпочитал ей громкое имя «Валентина Арнольда». А когда прокурор, пытаясь пощупать психологический фокус этой личности, спросил: «Зачем вы, собственно, вступали в масонскую ложу в Америке?» — Арнольд ответил: «Таким образом я хотел пробраться в высшие слои общества».

Чрезвычайно показателен в этом смысле и обвиняемый Шестов. Руки его были обагрены кровью рабочих-стахановцев. Шестов, в прошлом рабфаковец, таким образом старался в своем последнем слове об'яснить, что же, собственно, толкало его на эти преступления? Он сказал: «Я со ступеньки на ступеньку, шаг за шагом приближался к крупным людям, приблизиться к которым раньше я не имел никакой возможности».

И здесь опять тот примитивный каркас, тот ущемленный комплекс, который руководил Шестовым в его стремлении прорваться к власти, где, он полагал, находятся, «высшие слои общества». Совершенно естественно, что именно они, эти люди, так яростно отстаивали тот строй, который дает наиболее пышный расцвет низменным, рваческим, хищническим чертам людей.

После этого чрезвычайно показательного процесса, нам, литераторам, следует глубоко задуматься. Нам следует начать нашим оружием, средствами литературы, борьбу со всеми проявлениями пережитков капитализма, со всеми явлениями, враждебными социалистической стройке, потому что сегодня, находясь в расплавленном виде, разжиженном виде, они завтра могут кристаллизоваться в политически враждебную вылазку.

В литераторской среде есть немало таких явлений, о которых нужно со всей резкостью нам говорить. У нас, в литературной среде, иногда проявляется своеобразное двоедушие. Мне не так давно довелось столкнуться со следующим фактом: некто, чрезвычайно потрясший в формализме, что отмечалось и в прессе, вдруг разразился невероятно хвалебной речью по поводу автора, которого он раньше считал упрощенцем, примитивистом, не-художником и т. д. А после выступления, запыхавшись и отирая со лба пот, он в кулуарах, подмигивая, говорил: «Здорово я вышел из положения. Сейчас ко мне не подкопаешься». Меньше всего мы должны смотреть на это, как на невинный юмор, — это грязное двурушничество; это то, чему мы должны давать гневный и немедленный отпор. (**Голоса: Правильно! Аплодисменты**).

Товарищи писатели — коммунисты, беспартийные! Мы должны понять, что дело литературы — наше общее дело. Мы должны болеть за него, как за свое собственное, кровное хозяйство. Мы должны давать по рукам таким двоедушным людям, которые вместо того, чтобы оказать поддержку и живую помощь Советской стране, придумывают очень хитрые способы, чтобы издеваться над советской землей, над ее литературой и искусством. Никакого либерализма с этими притаившимися врагами! Они отравляют воздух советской литературы, — они враждебны большему, чем советская литература: всему советскому обществу и его морали. (**Голоса: Правильно! Аплодисменты**).

Мы должны бороться со всем тем, что привносится в литературу и литературную среду целиком из капиталистического общества, против которого мы боролись, которое нам глубоко отвратительно, с последними остатками морали которого мы должны вести последовательную, настойчивую, смелую борьбу.

Процесс, за которым следила вся страна, вызывал гадливость, но имел бесспорно и известное воспитательное значение. Это демонстрировался наглядный урок классовой борьбы. Ведь надо прямо сказать, что некоторые литераторы до процесса предавались сладкому либеральничанью.

Теперь завеса беспощадно сорвана. Перед всей страной на скамье подсудимых прошли люди, которые, если сказать простейшей формулой, не хотели социализма. Капитализм, кулачество, рабство перед фашизмом — вот чего хотели вчерашние фразеры. И смертельно не хотели они того, чтобы росла и укреплялась индустриальная мощь и независимость нашей страны, чтобы трудовая интеллигенция, рабочие и крестьяне представляли собой дружное, незыблемое единство, чтобы рабочие и крестьяне занимали то почетнейшее положение, которое они действительно имеют в стране социализма. В трудовых массах троцкисты видели только то, что Радек определил словом «об'ект». Массы для последышей капитализма и его бардов были лишь безликим, презренным, человеческим «пушечным мясом», которое, не задумываясь, можно было взрывать в Кемерово, крошить на железнодорожных рельсах, продавать японским и немецким хищникам.

Звериное лицо фашизма в его страшной яви увидела вся страна. Увидели его и писатели этой страны. С отвращением они отвернулись от этого звериного лица.

Все то, что так наглядно прошло перед глазами, естественно должно вызвать желание бить своим оружием — словом — по грязным, беспощадным врагам социализма, как находящимся за границами нашего союза, так и притаившимся в пределах его границ. (**Аплодисменты**).

На общемосковском собрании писателей 30 января, посвященном процессу антисоветского троцкистского центра. На снимке: общий вид зала.

Фото Вабст и Даллет.

Революционная бдительность—вот то качество, которое особенно необходимо теперь большевикам

И. СТАЛИН.

Общемосковское собрание писателей 30 января

Наши обязательства

Из речи В. Киршона

Товарищи! На процессе был один момент, о котором во время перерыва мы, присутствовавшие там писатели, говорили как о трагической теме, которую мог бы затронуть писатель.

Этот момент был в показаниях Шестова — речь шла об убийстве инженера Бояршинова.

Инженер Бояршинов, в прошлом вредитель, судившийся по шахтинскому процессу, приехал в Кузбасс после того, как бросил вредительство и стал честно работать.

Зная технику вредительства в угольном бассейне, он увидел, что здесь что-то неладно и пришел с этим вопросом к Шестову. Шестов понял: этот человек знает, что такое вредительство — он может догадаться. И Бояршинов был скоро убит Шестовым и его людьми.

Итак, люди, ранее связанные с буржуазией, как этот инженер, потерпев поражение, увидев великую правду и силу социализма, стали на сторону народа. И вот бывший вредитель приходит к человеку, который изображал из себя коммуниста, но оказывается, что этот человек является настоящим вредителем, взрывающим шахты и убивающим рабочих.

На XVI партийном с'езде в 1930 г. товарищ Сталин говорил, что тот, кто воображает, что троцкизм это есть внутрипартийная группировка, тот ничего не понимает. Троцкизм — передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Троцкизм давно превратился в авангард буржуазной контрреволюции, стал ее идеологом, выразителем ее стремлений, и именно поэтому германские фашисты могли бросить в советскую страну троцкистские банды, как своих преданных агентов.

Во всем мире происходит сейчас чрезвычайно интересное явление с точки зрения последней борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Поглядите, что происходит в Испании. Как будто бы непосредственный интерес французского буржуазного государства заключается в том, чтобы не дать немцам укрепиться в Испании. Но английская и французская буржуазия видят в Испании настоящую демократию, не ту ложную, фальшивую демократию, которая существует в Англии и Франции, и они боятся возможности народовластия в Испании.

Франко—представитель испанских фашистов — идет на прямое предательство своей родины, сыном которой по национальности он является. Он тоже распродает территорию Испании, как и наши троцкисты-фашисты.

Троцкистская банда, представшая перед Верховным судом, это — обрубленная лапа враждебного нам класса. Антисоветский троцкистский центр это — прямая попытка организовать нападение на нашу страну, и эта попытка разбита и разгромлена.

Нам ясно с потрясающей убедительностью, что троцкисты — это враги, но это должно быть ясно и западноевропейской интеллигенции, к которой мы сегодня обращаем свой голос.

Вспомните, что происходило на конгрессе защиты культуры. С самыми подлыми и гнусными вещами выступили на конгрессе против Советской страны и коммунистов в области литературы именно троцкисты.

И сегодня, обращаясь к западной интеллигенции, мы говорим: вспомните тот день, когда на конгрессе мы выступали по поводу Виктора Сержа. Мы сказали, что эти люди в нашей стране занимаются тем, что стреляют в наших вождей, а с убийцами наших вождей мы можем разговаривать только языком оружия. Вот кто эти Сержи, которые хотели разгромить мировое рабочее движение.

Товарищи! Радек, извиваясь, преследуемый острыми, беспощадными репликами Вышинского, пытался на процессе изобразить дело так: видите ли, мы думали, что поражение СССР неизбежно, поэтому до 1934 года, раз поражение неизбежно, ничего особенного нет в том, что мы ему содействовали. Но когда мы увидели, что Советский Союз крепок, и неизвестно, кто выйдет победителем в этой грядущей схватке, тогда мы перестали разделять эту пораженческую платформу, и я, Радек, думал созвать совещание, на котором отказаться от всего этого дела. Он лжет, этот негодяй, потому что именно в последние годы, когда они увидели, что наша военная мощь растет, они получили директиву: чем больше крепнет Советский Союз, тем больше вредите, больше взрывайте, больше готовьте поражение СССР, ибо это поражение нужно вашим хозяевам.

Мы, писатели, обязаны рассказать (может быть, и для нашего народа, хотя это в меньшей степени важно— у нас нет пионера, для которого бы имя троцкиста не стало позорным и презренным до конца жизни этого пионера, у нас нет колхозника, который бы не увидел в рыжей бородке Пятакова коричневую морду германского фашизма) — надо для Запада рассказать, показать путь этих людей, об этом написать.

Во-вторых, мы обязаны до конца понять, что от этого процесса пахнет войной. Тут вскрылось, что есть штабы, разведки, Гестапо, шпионские центры типа этого параллельного центра, которые готовят против нас войну. Нам, писателям, нужно быть готовыми словом, идеями, книгами, делами, оружием к тому, чтобы тогда, когда грянет война, подготовляемая этой сволочью, дать такой же беспощадный ответ и отпор, поступить с ней так же, как поступил с этими предателями наш советский суд. **(Аплодисменты).**

Дегазировать троцкистскую идеологию

Из речи А. Безыменского

Товарищи! Сегодня вынесен приговор троцкистской банде. Мне хочется еще и еще раз повторить слова мариупольского рабочего, сказанные им в августе прошлого года: «Я одобряю приговор страны, но я жалею о том, что привести этот приговор в исполнение поручили не мне». Он сказал то, о чем думал и я — поэт Советской страны. Об этом думаю я и сейчас, и я уверен, думает каждый из нас. Приговор вынесен, и растленные мерзавцы будут уничтожены.

Где,
где лицо чудовища такого,
С каким сравнить
лицо таких людей?
Пигмеи все.
Но в мерзости своей
Они подлей любого Смердякова,
И Смердяков пред каждым —
как пигмей.

Действительно, товарищи: хвалить Красную армию в статьях и пускать красноармейские эшелоны под откос; кричать о победе индустриализации и взрывать шахты; стоять у гроба Кирова, произносить слезливо-лживые речи и, вместе с тем, вспоминать, тайком смеясь, как они вручали заряд убийце; казаться патриотом и продавать и предавать родную страну направо и налево; восхвалять Миаха и вместе с тем готовить свой ПОУМ в бой, как пятую колонну генерала Франко; кричать о дружбе стран и заключать с Гитлером договор о свободе разгрома им чехов, французов, болгар и других народов; громить войну и подготовлять ее на всех участках, быть провокатором ее; кричать «я восхищаюсь вами» и думать: «я вас убью»; громить убийц и без конца убивать; лжеца клеймить и самим лгать, даже стоя у могилы, — каким Азефам, каким Лойолам это по плечу?

Приговор произнесен, банда будет уничтожена. Но не зря т. Сурков на заседании президиума нашего союза употребил термин — детазация, дегазация зараженной местности. Это относится не только к тому, чтобы уничтожить последующие банды, которые могут быть обнаружены — это означает, что на всех участках, на всех фронтах строительства и культуры надо ликвидировать зловоние, распространявшееся троцкистской шайкой, все последствия их пакостной деятельности.

Тут речь пойдет об участке литературы, в частности, об участке поэзии. Я думаю, вы понимаете, что речь идет о докладах Бухарина и Радека на первом всесоюзном с'езде писателей. Они разделили между собой роли: Бухарин уничтожал пролетарских писателей у нас в стране, Радек это делал по отношению к Западу.

Получили ли они отпор? О, да. Прежде всего обеззараживала их попытки блестящая речь т. Жданова, говорившая о тенденциозности нашей литературы, выражающей тенденции всего трудового народа, всего передового человечества, борющегося против мракобесия, гнилья, тьмы, против войны, против фашизма.

Громило Бухарина и прямое выступление т. Стецкого на с'езде и прямая акция партии, заставившая Бухарина извиниться. Литераторы также дали свой отпор: Бухарину — и Сурков, и Д. Бедный, и я, и Асеев, и Кирсанов; Радеку — Бредель, Вишневский, Ф. Вольф. Будучи официальными докладчиками, Бухарин и Радек принуждены были и тут извиваться. Они многие правильные вещи должны были говорить. Но в той области, где наша партия дает возможность наиболее широкой дискуссии — в области творческих оценок — вот где они постарались развернуться, вот где вырвалось их капитулянтское нутро, их идейки, основанные на троцкистских взглядах.

Я напомню вкратце, что говорил Бухарин: время агиток Маяковского прошло, вместе с тем ориентировочной вышкой для поэзии должен быть провозглашен Борис Пастернак, наиболее далекий от современности поэт. Ни одного слова о кулацкой поэзии не было сказано. Воспевалось абстрактное мастерство. Газетная поэзия изничтожалась. Не было сказано ни одного слова о Кирсанове, М. Голодном, Вере Инбер.

Демьян оказался не современником Бухарина. Пролетарская литература вся устарела, линия Маяковского вредна. Это ли не гнусное капитулянтство?

Что делал Радек? В речи Бределя совершенно ясно указано, что Радек пропустил (т. е. уничтожал) такой список имен: Брехт, Бехер, Вейнерт, Фейхтвангер, Гашек, Ренн, Бредель, Вольф, Мюзам, Эрвин Киш, Реглер и буквально десятки подлинно революционных писателей. Он их не считал писателями. Тов. Бредель и на с'езде сказал, что в докладе Радека — неверие в возможность существования пролетарской литературы до прихода рабочего класса к власти.

Что пытались делать, хотя и получая отпор, Радек и Бухарин на этом с'езде? Я утверждаю, что это было вредительство в области идеологии, это была попытка диверсии в области идеологии. Да, диверсии, потому что хотели вывести из строя таланты политической поэзии, пролетарских писателей в первую очередь. Они хотели увести от рабочего класса писателей, идущих к нему, неправильно их ориентируя, демобилизуя те чувства, которые побуждали их откликаться на все важнейшие вопросы, которыми живет страна.

Последствия вредительской работы надо дегазировать. Разве нет критиков, которые все актуальное в поэзии провозглашают стоящим вне искусства? Разве нет людей, которые дискредитируют работу писателя в газете? Газы бухаринских идеек не перестали еще отравлять умы.

Кто пустил термин — «попутчики»? Троцкий. Он вбивал клин между пролетарскими писателями и людьми, которые шли к пролетариату. И на своей личной творческой судьбе многие из вас, здесь сидящих, испытали что это такое.

Дегазация этих тенденций у нас в области литературы нужна. Доклады Бухарина и Радека нужно жесточайшим образом раскритиковать в их капитулянтской, вредительской, диверсионной части.

Сегодня вынесен приговор. С огромной радостью он всеми нами воспринимается. Я шел сегодня с демонстрацией и видел счастливых, свободных людей моей родины, которая ликвидировала последствия вредительства и построила замечательную жизнь.

Эти люди шли мимо мавзолея Ленина. Они кричали: смерть фашистам! Они возглашали: да здравствует Сталин! — выражая то, чем они живут. Эти люди, вместе с нами, вместе со всей страной, подведут троцкистских мерзавцев (и тех, которые пойманы, и тех, которые еще будут пойманы) к последней стене — и поставят точку пули в конце их гастленной мерзкой жизни. **(Аплодисменты).**

Поражение германского фашизма

Из речи И. Бехера

Я, как немецкий поэт, хочу напомнить всем, что Советский Союз стал новой родиной немецкой литературы, немецкой поэзии. Историческим бедствием немецкой литературы была трудность соединения, совоплощения мечты и действительности.

Для немецкого поэта, живущего, творящего в СССР, это историческое бедствие преодолено, ибо здесь мечта переходит в действительность, а действительность та, о которой только могли мечтать.

Творческая свобода для поэта совпадает со свободой своего народа. Поэтому каждый поэт, отстаивающий свободу творчества, должен не только чтить, но и защищать существование Советского Союза.

Нетрудно представить себе, что это за «культура», о которой мечтают троцкисты и сам Троцкий, видящий в генерале Франко свой прообраз. Вот эту «культуру» Троцкий хочет осуществить с помощью немецких и японских фашистов, превратив советскую страну в полуколонию, в ад для трудящихся. Очевидно, что если бы хотя бы на мгновение победили троцкисты, всем честным писателям, честным литераторам пришлось бы отправиться в особые «парки культуры и отдыха», сиречь, в концентрационные лагери победивших троцкистов-зиновьевцев.

Этот процесс — исторический процесс, революционный процесс. Ибо здесь социалистическая действительность подавила позорную попытку Троцкого повернуть назад могучее шествие свободы, социализма.

30 января исполнилось 4 года с момента прихода к власти фашизма в Германии. За эти четыре года германский фашизм потерпел три крупнейших поражения. Первое крупное поражение — в знаменитом лейпцигском процессе, когда Димитров стоял против Геринга. Там победила не только большая идея, там победил и большой характер. Это первое поражение германского фашизма явилось не только моральным, но серьезным политическим поражением.

Второе поражение гитлеровского фашизма — военные неудачи под Мадридом. Здесь германские фашисты натолкнулись на мощное, вооруженное сопротивление антифашистского революционного народа. Продолжающиеся поражения фашизма под Мадридом являются не только материальным и моральным, но и крупнейшим политическим поражением. В результате этого поражения исчезает то настроение, которое характерно для некоторых людей, приходящих в панику перед германской техникой. Нет непобедимой техники и не будет ее!

И третье поражение германский фашизм потерпел на московском процессе антисоветского троцкистского центра.

Мартин Андерсен Нексе выступает на общемосковском собрании писателей 30 января, посвященном процессу антисоветского троцкистского центра

Фото Вабст и Давлет

Бездна человеческого падения

Из речи Мартина Андерсена Нексе

Товарищи, очень хорошо, что мне удалось увидать заключительную часть процесса. Жаль, что я прибыл несколько поздно и не присутствовал на предыдущих заседаниях. Впечатление, которое я получил, это впечатление — на всю мою жизнь.

Я с юных лет своих боролся в рядах пролетариата. Я видел много. Я видел, например, как относило вправо с правильного пути моих товарищей. Я видел, как эти, казавшиеся надежными, товарищи постепенно сбивались на путь мелкобуржуазный, затем на крупнобуржуазный, наконец, они становились фашистами и кончали преступниками.

Для меня капитализм и преступление — синонимы.

Что я увидел на процессе? Передо мной разверзлась бездна человеческого падения. Ведь я знал некоторых из этих людей. Радека я знал с 1919 года. Я с ужасом задавал себе вопрос: как возможно, чтобы такие люди оказались людьми с двойной жизнью? Днем это внешне идейный человек, он работает, он говорит, он пишет, он выглядит борцом, а ночью это обычный преступник, готовый на все уголовник.

Я спросил себя, как писателя: где те силы, которые должны описать эту двойную жизнь? Товарищи, советские писатели, вы должны решить эту задачу.

Есть книга. Она называется «Мистер Хайд», автор ее Роберт Луи Стивенсон. Там изображен культурный, симпатичный гуманист, друг человечества, интеллектуал. Днем все вокруг него идиллично, прекрасно, ночью этот человек — громила, развратник, насильник, способный на любые преступления. Приходит утро, и снова он очарователен, обаятелен, гуманистичен.

Я смотрел на былых моих знакомцев, и меня охватывал ужас, — я заметил, что один из них даже улыбался при перечне его преступлений. Я понял, почему эти преступники с двойной жизнью не могли ни шагу сделать к массам — им не было пути с рабочим классом.

Товарищи, не привыкли ли мы слишком переоценивать демократию Западной Европы? Ведь за маской демократии в капиталистическом мире скрывается злодей, с которым мы должны посчитаться. Не будьте в этом отношении чересчур снисходительны и либеральны! Что было бы, если бы на свете не было Советского Союза? Ведь как бы подчас ни была трудна борьба, уже самая мысль о том, что существует и крепнет Союз ССР, дает нам энергию для борьбы и уверенность в победе **(аплодисменты).**

Тов. Новиков-Прибой сравнил Советский Союз с громадным линкором. Я хочу уточнить: Советский Союз это скорее мощный ледокол. Этот ледокол проламывает путь в будущее, он готов конвоировать караван судов, но эти суда запаздывают, не рискуют выходить на проломанную им трассу, они побаиваются, отстают. Не такова ли, товарищи, сегодня картина мира?

И вот одно у меня желание: чтобы этот ледокол никогда не потерял воли, решимости и уверенности, что он приведет мир в будущее. Мы пройдем! Пасаремос! — как говорят испанские товарищи. **(Бурные аплодисменты).**

Мы готовы к обороне нашей страны

Из речи Ф. Березовского

Товарищи! Огромны и страшны преступления, совершенные бандой троцкистов, сидевшей на скамье подсудимых и осужденной нашим пролетарским судом: поджоги, взрывы, крушения поездов, убийства, террор против вождей, выдача военных планов и хозяйственных секретов, подготовка поражения страны. Нет возможности перечислить гнусные и грязные дела бандитов троцкистов, их главарей — Троцкого, Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и их подручных.

Эта цепь преступлений не случайна. Эта цепь преступлений тянется за Троцким и троцкистами на протяжении 35 лет. Еще на заре нашей революции, в 1904 году, Троцкий выступал уже как человек, который не верит в силы рабочего класса, не верит в социализм. Уже тогда Троцкий выступал против Ленина, против большевиков. С этих годов начинается цепь измен, предательств интересов рабочего класса, интересов социалистической революции.

Вспомните, товарищи, гражданскую войну. Возьмите колчаковский фронт — кто организовал перелом в военных действиях на колчаковском фронте? Троцкий? Ничего подобного. Как раз вопреки директивам Троцкого, вопреки его воле, вопреки его приказам, перелом в военных действиях под Пермью организован был нашим гениальным полководцем Революции товарищем Сталиным. Вспомните разгром Юденича. Троцким это было организовано? Кричали о Троцком, а теперь мы по документам знаем, что и эта победа была организована нашим гениальным вождем Сталиным. Разгром Деникина, вопреки приказам, вопреки воле Троцкого, вопреки его предательской тактике, был организован Сталиным, Ворошиловым, Буденным.

Дальше — 1925—26 г., Троцкий и троцкисты выдвигают программу реставрации капитализма. Троцкий говорил тогда: мы должны пойти на концессии, на привлечение иностранного капитала, а вы знаете, что за иностранным капиталом, за концессиями идут и иностранные штыки. Это мы знаем по опыту колониальных стран.

А что Сокольников нам предлагал? Денационализацию промышленности, т. е. передачу фабрик, заводов, рудников, банков в руки старых русских капиталистов. Это была самая доподлинная реставрация капитализма.

Но тогда они эту реставрацию капитализма мыслили устроить при помощи внутренних ресурсов. Недаром Каменев в 1925 году мечтал о созыве Учредительного собрания. А что это значило? Это означало возрождение к жизни старых сгнивших политических партий: кадетской партии, меньшевиков, эсеров и т. д. Это означало реставрацию политической власти капиталистов.

Народы, населяющие наш Советский Союз, не пошли тогда за предателями. Пошли за Сталиным, пошли за нашим Центральным комитетом, и мы разбили капиталистические классы. Тогда не удалась реставрация капитализма.

Теперь они мыслят реставрацию капитализма в результате нашего военного разгрома.

Это означало бы уничтожение двух-трех миллионов жизней самых лучших, самых передовых людей нашей страны: рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции.

Они хотели нам надеть старое капиталистическое ярмо. В своей программе они намечали уплату контрибуции, распродажу нашей земли, восстановление кулака и помещика в деревне. Они говорили, что хотят уступить только Украину, Приморье и Приамурье. Но они всего не договаривали. А кто стал бы защищать остальное при отсутствии армии? Кто защищал бы от интервентов Урал? Бакинскую нефть? Это было бы настоящее расчленение всего Союза Советских Социалистических Республик и колониальное рабство. Это было бы рабство почище того, которое мы пережили в старой царской России.

Они путают нас войной 1937 года. Ничего — мы спокойно смотрим на 1937 год, подождем и 1940 и 1947 года. Мы готовы к обороне нашей страны **(аплодисменты).**

Мы смело и уверенно смотрим вперед, ибо знаем мощь нашей непобедимой Красной армии, знаем, что вокруг нашей партии и нашего вождя об'единены рабочие и крестьянские массы, об'единены все народы, населяющие нашу прекрасную социалистическую родину.

Позвольте закончить словами товарища Сталина, которые повторяют все наши народы:

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества, но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость».

У нас есть, товарищи, прекрасное социалистическое отечество, есть что защищать, есть чем защищать и есть кому защищать.

Разрешите от нашего лица сказать нашей партии, правительству, любимому вождю товарищу Сталину, что когда нужно будет защищать наше отечество, мы — писатели — будем в первых рядах. **(Аплодисменты).**

Литература—могучее орудие обороны страны

Из речи В. Инбер

Товарищи! В показаниях подсудимых фигурировала одна дата — 1937 год. На эту дату падало предсказание войны. И антисоветским троцкистским центром было сделано все, чтобы война произошла именно в 1937 году.

Это как раз тот год, когда вся страна собирается праздновать 20-летие своей великой революции. За эти 20 лет вся страна показала такие примеры геройства, самоотверженности, твердости, отваги и мужества, всех лучших свойств человеческой души, каких мы не видим на всем протяжении мировой истории

Вся страна, и в том числе каждый из нас, за эти 20 лет революции дали лучшее, что у нас было, — умение творить, строить. И оказывается, все это было запродано нашим врагам. Все мы и все наши дела, все то хорошее, что уже сделано, что мы предполагали сделать, — все это было взвешено, оценено и продано.

Мы, писатели, как и все граждане нашей страны, должны понять, что остались еще не раскрытыми отросточки той страшной организации, которая существовала.

В чем заключается наша задача, задача советской литературы? Превратить всю нашу литературу в оборонную секцию, озабоченную тематикой будущей войны. Сейчас, перед лицом грозной военной опасности, надвигающейся извне, мы, писатели, должны сделать всю литературу оборонной.

Мы должны много, действенно и сильно писать о войне. Это необходимо во имя нашего прекрасного настоящего, во имя нас самих, во имя тех миллионов счастливых детей, которые сейчас, может быть, даже еще не запроектированы, но которые будут жить, во имя легионов счастливой молодежи, которая живет, работает у нас сейчас и на которую обращены глаза всего мира.

О ПРОЦЕССЕ АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБЩЕМОСКОВСКОГО СОБРАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Общее собрание советских писателей гор. Москвы, заслушав и обсудив доклады и выступления тт. Г. Лахути, А. Фадеева, Вс. Иванова, К. Федина, А. Новикова-Прибоя, В. Ставского, В. Инбер, Ф. Березовского, В. Герасимовой, А. Безыменского, Вс. Вишневского, И. Бехера, Л. Никулина, В. Киршона и друга нашей страны Мартина Андерсена Нексе о процессе антисоветского троцкистского центра, **целиком и полностью одобряет справедливый приговор Верховного Суда.**

Приговор суда, осудивший подлую троцкистско-фашистскую нечисть, — приговор всего советского народа, всего передового человечества, борющегося за мир, свободу и социализм.

Приговор народного суда выразил единодушную волю всех без исключения честных граждан Советского Союза. Огонь народной ненависти испепелил троцкистско-фашистское гнездо ядовитых змей, имена которых стали именами подлости, двурушничества, измены родине, уголовных убийств.

Презренная банда троцкистско-фашистских диверсантов хотела отнять у нас великие права, завоеванные в революционной борьбе, записанные в сталинской Конституции, — право на труд, на отдых, на образование, на радостную и счастливую жизнь. Кучка троцкистских мерзавцев хотела повернуть вспять огромную страну, превратить ее в концентрационный лагерь, возвратить фабрики и заводы капиталистам, поставить хозяином в деревне кулака, распустить колхозы, посадить на шею народу средневековый фашистский режим.

Троцкистские мерзавцы заранее торговали частями советской территории, они хотели отдать Украину Германии и Дальний Восток — Японии. Подлые изменники родины, выполняя приказ своих фашистских хозяев с Запада и Востока, лихорадочно торопились навредить как можно больше, взрывали заводы, пускали поезда под откос, убивали рабочих, красноармейцев, малых детей.

Кровавые их замыслы не удались. Они и не могли удасться. Даже если бы все силы международного фашизма обрушились на нашу страну разом — и тогда великие народы Советского Союза, свободные и непобедимые, нашли бы в себе достаточно сил, чтобы не только отразить этот удар, но и разгромить до конца всех, осмелившихся начать войну.

Но подлый враг, разбитый в открытой борьбе, ненавидимый трудящимися массами, не сдается. Троцкистская гадина пытается жалить из-за угла. Она направляет свое жало в сердце и мозг народа. Она горит от нетерпения убить лучших людей народа, его вождей, организаторов его побед. Троцкистско-зиновьевская банда убила Кирова. Она готовила покушение на великого Сталина.

«Если враг не сдается — его уничтожают», — повторяют советские писатели вместе со всем народом слова Горького. Советский суд произнес свое слово. Он уничтожил гадов, он очистил советскую землю от чудовищ, позорящих имя человека. Пятаков, Серебряков и вся их банда, — растленные и презренные изверги, отравлявшие честную советскую атмосферу. Они сторицей заслужили свой приговор.

Советский суд перед лицом всего мира пригвоздил к позорному столбу Иудушку Троцкого, всю жизнь боровшегося против Ленина и Сталина, против теории построения социализма в одной стране. Советский суд разоблачил этого кровавого пса фашизма, сеющего убийства и услужливо старающегося развязать войну по указке германского и японского генеральных штабов. Не уйти Иуде Троцкому от суда и гнева мирового рабочего движения!

Советские писатели требуют суда над правыми отщепенцами Бухариным, Рыковым — изменниками и предателями, участвовавшими в адском сговоре с троцкистско-зиновьевской сволочью.

Троцкистский центр планомерно, обдуманно и систематически изменял родине. Сталинская Конституция учит нас, что нет более страшного преступления, как измена родине. Верховный Суд своим приговором каленым железом выжигает измену нашей прекрасной родине.

Советские писатели шлют свой пламенный привет славным наркомвнудельцам, оберегающим завоевания революции, во главе которых стоит славный, испытанный боевой большевик Н. И. Ежов.

Советские писатели любят свою социалистическую родину — всеми силами, всеми средствами они будут защищать ее под знаменами Ленина—Сталина, от врагов внешних, от предателей внутри страны.

Вместе со всем рабочим классом, со всеми трудящимися советские писатели преданы великой коммунистической партии — они посвятят все свое творчество, все свои книги борьбе против врагов социализма, в какой бы маске они ни выступали.

Вместе со всеми трудящимися советские писатели образуют вокруг любимого Сталина живое кольцо преданности, бдительности и защиты — ни один враг не переступит через это кольцо миллионов честных советских людей.

Смерть фашизму, смерть троцкизму!

Да здравствует коммунистическая партия, да здравствует СТАЛИН!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Будем бить

Инженер. Советский. Честный.
Он пришел и доложил:
— «Новый случай, вам известный,
Он меня насторожил.

Эти взрывы и пожары...
Растревожен весь Кузбасс...
Столь тревожные удары...
Не вредительство ль у нас?»

Был ответ ему: — «Спасибо!..
Острый глаз необходим,
Коль заметите что-либо...
Никого не пощадим!»

— «Я готов...»
— «Наш долг совместный —
Не зевать в борьбе со злом».
Честный вышел, а нечестный —
Он остался за столом.

Хитро вслед глядел он гостю,
Встал, послушал у дверей,
В телефон сказал со злостью:
— «Это ты? Зайди скорей!».

В кабинете снова двое.
Шу-шу-шу и шу-шу-шу:
— «Дело срочно-боевое...
Порешите!»
— «Порешу!»

То был штаб троцкистский, местный,
У бандита был бандит.
Инженер — советский, честный —
Через ночь он был убит.

Через неделю снова взрывы...
Жертвы — дети и отцы...
Для фашистской директивы
Подыскались подлецы.

Подлецы, каких на свете
Не бывало никогда,
Перед нами — в ярком свете
Пролетарского суда.

Подлецы — не двое, трое,
Целый рой ответ дает.
В этом чумном, жутком рое
Матки, жаль, недостает.

Матка «храбро» улетела
И устроилась «тепло»
(Власть фашистов порадела!),
Подыскав «для пользы дела»
Мексиканское дупло.

Но и там ей нет покоя.
Класс рабочий там бурлит:
— «Жить нам с гадиной такою
Наша совесть не велит.

Пусть другого ищет места!
Вон! Прочь, фашистский кал!»
Пролетарского протеста
С каждым днем сильней накал.

Он растет, растет повсюду.
Не спасет морское дно:
Пролетарский гнев Иуду
Там настигнет все равно.

Как настигли мы вот этих,
Что стоят перед судом.
Тут не все. О тех, что в сетях,
Речь пойдет у нас потом.

Да, шпионскому азарту
Подрастрепали мы усы!
Мы побили эту карту,
Расподлейшие тузы.

И — прислушайтесь к ответу
Те, кто к нам полком ведет. —
Карту мы — сомнений нету! —
Будем бить не только эту,
Коль до этого дойдет!

29 января 37 г.

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ

ПРИГОВОР СУДА — ПРИГОВОР СТРАНЫ

Семь дней шел этот процесс.

Семь дней убийцы и шпионы давали точные, деловые показания о крови лучших советских людей — цене за нее, ими просимой, и цене, которую давали их хозяева; о частях великой страны, которыми они предлагали оплатить свой приход к власти; о плане разрушений, которые должны были доказать хозяевам их существование, самое их бытие в стране социализма, и которые являлись их взносом в расплате с хозяевами; о том, как надеялись они на войну и готовились, сидя на высоких местах, ткнуть нож в спину народа, для того, чтобы привести к власти своего заграничного вдохновителя.

Никогда еще фашизм не подползал так близко к нашим дверям.

Что заставляло их быть откровенными на этом процессе?

Желание казаться себе и другим политиками, политическими деятелями, хоть немного приподнять себя языком и фактами организации над омерзительным смыслом всего ими совершенного.

Это не удавалось. Поразительное убожество, зловещая безграмотность была в их политических лозунгах. «Эра бонапартизма»! Бонапартизм как «убийство вольности» был заклеймен еще Пушкиным, но какой же это Бонапарт пришел к власти ценой военных поражений собственной страны, отторжения от нее территории, превращения ее в колонию?

Для этого существуют другие названия, менее пышные: предательство, измена, продажа родины.

И семь дней, желая говорить о политике, они силою вещей были вынуждены говорить о деньгах и убийствах. Одними двигала блудливая надежда выслужиться, другими — тупая покорность и вера в их повелителя, всеми — страшная слепота, неверие в страну, которая создала величайшие ценности и продолжает их создавать. Они готовы верить во всемогущество японского жандарма, прусского фельдфебеля, кого угодно, но только не в эту страну, которой они не знали, не любили, о силах которой они никогда и не подозревали.

В этом все дело, они — чужие всей стране, всем людям, которые дышат ее воздухом, трудятся на ее земле, поют ее песни, читают ее стихи.

Политиканы, погруженные только в себя, самовлюбленные, ничего не видящие, равнодушные, со скопческим рассудком, заменяющим живой ум, они наконец омертвели, дошли до передней прусского фельдфебеля и японского жандарма. Вместе с ними они готовились расчленить великую страну, поработить ее, умертвить, — и этим бы заплатили за власть.

Приговор суда есть приговор страны, приговор великой истории советского народа, которую они хотели уничтожить, обратить в историю колониальной страны, Абиссинии.

Жан-Жак Руссо писал: «Республиканец истинный да всосет с молоком своей матери любовь к отечеству, к законам его и свободе. Если он одинок — он ничто; если он не имеет отечества, — он более не существует; и если он не умер — он хуже, чем мертвец».

Ленинград. (По телеграфу).

В. ЛИДИН

КРУГ ЗАВЕРШЕН

С тех пор прошло более полугода, но я мог бы теперь с точностью всех интонаций воспроизвести рассказ Лившица о его работе на транспорте.

В кругу литераторов этот тучный, высказавший, с золотыми зубами, с четырьмя почетными звездочками в петлицах, человек, неторопливо и слегка иронически рассказывал о своей деятельности железнодорожника.

Четыре месяца спустя после этой беседы я возвращался из Приморья в Москву.

Поезд наш был наполнен замечательными людьми.

Здесь были летчики, крупнейшие инженеры-кораблестроители, начальники всесоюзных трестов, возвращающиеся с краевого совещания, командиры-танкисты, полярники, но самыми замечательными, конечно, были несколько человек, имена которых знали не только на Дальнем Востоке...

Я проснулся ночью от тишины. Поезд стоял на неизвестной мне станции. По обеим сторонам запасные пути были забиты товарными составами. Еще и еще подходили составы и занимали последние свободные пути. На станции зловеще и неуклонно образовывалась пробка. Наш скорый поезд стоял здесь уже восемь часов. Впереди произошла катастрофа.

Несколько часов спустя мы медленно прошли мимо места, где произошло крушение поезда. Мы молча стояли у окон и смотрели на саламандры под откосом товарных вагонов, на разбитые бочонки с рыбой и углем, на торчащие колесами вверх платформы и цистерны — все перемешанное, исковерканное и уничтоженное. Позднее, уже в Москве, я узнал, что опытная рука расширила рельсы на крутом повороте и на долю товарного поезда, пущенного случайно первым, пришлась предназначенная для нас судьба. Эти командиры и летчики, весь живой, талантливый, действенный, радовавшийся жизни состав пассажиров нашего поезда должен был быть искалеченным и кроваво-растоптанным остаться лежать под откосом...

Мог ли я тогда связать все это с именем Лившица, по указанию которого, может быть, произошла эта очередная дальневосточная катастрофа? С содроганием читали мы его показания. С содроганием заполняли мы истинным и зловещим содержанием облик этого вчерашнего замнаркома. Откуда, из каких щелей сочилась эта страшная ненависть ко всей стране, к ее народу, к ее руководителям, к самой революции? В каком смрадном подполье жили, действовали, предавали страну, делились дарами иностранных разведок со шпионами и диверсантами эти люди, которые именовали себя когда-то революционерами?..

Круг завершен, процесс окончен. Мы все возвращаемся к нашим очередным делам. Но истинный смысл этого процесса останется для нашей памяти источником неиссякаемой ненависти к подлецам и предателям, имена которых могли бы стать нарицательными для обозначения подлейшего падения человека.

ЯНКА КУПАЛА

ПРОКЛЯТЫ НА ВЕКИ

История человечества знает не мало врагов народа, но нет равного тому предательству, которое воплощено в образе троцкистских негодяев — Пятакова, Радека и других, во главе с обер-шпионом Троцким.

Не только Приморье, Урал и Украину троцкистские диверсанты продавали фашистам.

Такую же участь рабства и гибели они готовили нашему белорусскому народу и нашей советской Белоруссии.

Нашу прекрасную советскую Белоруссию, расцветшую после долгих веков рабства и национального угнетения, троцкистские изверги хотели превратить в колонию немецкого фашизма. Они хотели разгромить наши фабрики и прекрасные колхозы, зажившие светлой, радостной сталинской жизнью.

Пусть эти предатели будут прокляты на веки! Слава нашему великому Сталину — отцу и учителю народов.

«Кровь Кирова стучит в наше сердце»

СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА

Гневом и ненавистью преисполнены сердца ленинградских писателей. Суровы их речи.

Как проклятие миллионов прозвучали с трибуны собрания стихи Александра Прокофьева:

Где бы ни ползли, — весь путь
их страшен,
Где б ни шли они из всех зыбей,
Их за нашу кровь, за муки наши
Ненависть настигни
и убей.

Взволнованно говорит Мих. Зощенко:

— Я считал себя знатоком человеческой совести. Но я ошибался. Можно ли было предполагать, что человек способен совмещать столько подлости, низости и грязи, как это делали Пятаков, Радек, Сокольников и другие участники троцкистской шайки.

— Что это за люди заняли скамью подсудимых в зале Дома союзов? — спрашивает Б. Лавренев. — Один из иностранных корреспондентов пишет, что подсудимые похожи на... кабинет министров, присутствующий на парламентском заседании... Что же, ведь они и намечались «фюреровой милостью» в «правительство» расчлененной и закабаленной «России-Го». Господин Пятаков — «министр диверсии и вредительства», господин Радек — «министр лжи и двурушничества», господин Сокольников — «министр измены и предательства», господин Серебряков — «министр аварий и крушений» и другие подлецы.

— В годы мировой войны, — говорит С. Марвич, — фон Папен, будущий сотрудник Гитлера, а в то время военный атташе в Вашингтоне, взрывал через своих агентов мосты и пароходы, готовил крушения поездов, — это делалось, чтобы устрашить американское общество и помешать Америке вступить в войну против Германии. И все же остается какое-то различие между Троцким и его бандой, и их фашистскими хозяевами, различие в пользу хозяев. Фон Папен орудовал хотя и в нейтральной, но в чужой стране, в чужих странах орудуют сейчас и агенты Рудольфа Гесса. Пятаков, Серебряков, Лившиц, Шестов и др., отделенные от Троцкого только географической границей, творили крушения и взрывы у себя на родине.

— Но мы не развеем по ветру забвения, — заканчивает С. Марвич, — проклятую память о черных делах. Кровь Кирова, кровь горловских рабочих, кровь кемеровских шахтеров, кровь красноармейцев, убитых на Шумихе, стучит нам в сердце.

— На процессе антисоветского троцкистского центра мы услышали много страшных, невероятных по цинизму и дикой злобе признаний главарей троцкистской шайки. Одно из таких троцкистских признаний, — напоминает М. Чумандрин, — это слова о больших аппетитах советских рабочих. То, что презренные троцкисты называют «большими аппетитами» — говорит М. Чумандрин, — мы называем выросшими потребностями рабочего класса — результат социалистических побед советской страны. В гитлеровской Германии «аппетиты» рабочих «умеряются» концлагерями, пытками, убийствами. Троцкистские бандиты хотели перенести эти фашистские методы на нашу землю. Вновь кабала, гнет, нищета, бескультурье, — вот к чему они стремились. Они хотели взорвать то, ради чего боролись и гибли лучшие наши люди — борцы за социализм. Они хотели взорвать наше счастье.

Кучка негодяев, окровавленными лапами, убийствами и диверсиями «давала визу на мандат Иуды Троцкого». Трудящиеся всего мира, всех стран и всех народов дали визу советскому суду — уничтожить этих негодяев.

Г. Мирошниченко заострил вопрос о повышении бдительности на литературном фронте. Не так давно в ленинградском союзе писателей были разоблачены троцкистские последыши, нанесшие большой вред советской литературе. Об этом говорили и В. Саянов, Л. Соболев, М. Козаков, Ю. Либединский, А. Горелов, М. Фроман, Вольф Эрлих и др.

— Советским судом отсечена вторая голова контрреволюционной гидры — говорит Ю. Либединский. — Троцкистская сволочь будет стерта с лица земли.

— Мы, ленинградские писатели, — заявляет В. Саянов, — требуем расследовать до конца гнусные дела Бухарина, Рыкова и других агентов контрреволюции. Не уйдет от суда и главарь бандитской шайки Иуда Троцкий, посмевший занести нож над советским народом и всем передовым человечеством.

— Гитлер, — говорит Леонид Соболев, — пришел к власти через поджог рейхстага. Фашист Троцкий добивался власти через поджог всего мира. Поджигатель пойман за руку. И ему не уйти от суда народов.

— Приговор Военной Коллегии Верховного суда — это приговор всего народа, — говорит, выражая мнение всего собрания, М. Козаков. — Этот приговор единодушно приветствуют ленинградские писатели, как никогда сплоченные вокруг партии и правительства, вокруг великого Сталина, готовые отдать все силы, творчество, жизнь своей прекрасной цветущей родине, делу Ленина—Сталина.

К. ТРЕНЕВ

Маски сорваны

Многочисленны и многообразны степени человеческого падения.

Но эти «люди», падая, пересчитали все ступени. «Они пали так низко, как, кажется, еще никто не падал никогда».

Трудно не согласиться с этим мнением прокурора. И когда, измеряя степень этого падения, поминают Иуду, Азефа, мне кажутся недостаточно сильными эти образы рядом с кошмарными фигурами троцкистских «героев».

Иуда, Каин, Ирод, Яго, Смердяков — все это художественно созданные носители отдельных сторон человеческой подлости, знаки различных ступеней человеческого падения. Это элементы, синтезом которых являются эти реальные люди...

Мы видели, мы слыхали этих людей. Некоторые из них, как Радек, приходили к нам, писателям. Одни выступали на нашем с'езде, взвешивая нас и раскладывая по полочкам, как строгие критики и судьи. Другие, как Лившиц, приходили гостями в Дом писателя, чтобы подробно рассказать нам о «заслугах перед страной».

Страшное впечатление производило искалеченное судорожной гримасой лицо-маска. Очень обстоятельно рассказывал этот двурушник о том, что делала его лежащая на руле правая рука. Но ни слова не сказал, конечно, о том, что левая его рука, пускавшая под откосы поезда, вся в крови красноармейцев, рабочих, женщин, детей.

Но что негодяям эта кровь, эта капля в море крови, которую они обязались и собирались пролить? Они, видите ли, все «учитывали». Все учли, все рассчитали, все взвесили на своих весах, все запродали, подлецы — и родину, и кровь ее сынов.

Маски с убийц, наемных поджигателей войны, с изменников родины сорваны.

Но подлинные, звериные лица нуждаются во всяческом освещении, в том числе — в освещении художественными средствами. Эта первостепенная задача — вскрыть в образах подлинную сущность троцкизма — стоит перед советской литературой.

М. ИСАКОВСКИЙ

Приговор народа

Они ползли, как кровожадный спрут,
Они тянулись в озлобленьи диком
На нашу жизнь, на молодость, на
труд,
На солнце нашей родины великой.

Они хотели затопить простор
Живою кровью наших поколений,
И над страною занести топор
И весь народ поставить на колени;

Богатство шахт, заводов и полей —
Фашистским псам отдать на разграбленье...
Земля не знает подлости подлей,
Не видел свет преступней
преступленья.

Но как утес, как грозная стена,
Стоит страна несокрушимой силы.
И знаю я, что банда не одна
У той стены нашла себе могилу.

За нашу кровь, за мерзость черных
дел
Свое взяла и эта вражья свора:
Народ сказал: «Предателям —
расстрел!»
И нет для них иного приговора.

Ю. ЯНОВСКИЙ

Не пощадим

Страшен перечень преступлений врагов советского народа. Какая звериная ненависть к строителям новой жизни на земле — к рабочим, колхозникам, красноармейцам, к вождю народа!

Ответим презренной кучке и их зарубежным хозяевам:

Никогда наш Дальний Восток не будет японским!

Никогда наша Украина не будет германской!

Никогда наши нефть, железо, уголь, наша земля, наш труд не будут принадлежать капиталистам!

Много врагов социализма нами уничтожено. Не пощадим и этих.

Харьков, 27 января.

И. КИРИЛЕНКО

Воля могучего народа

В эти дни особенно ярко проявилась великая радость и торжество украинского народа.

Прекрасная столица цветущей Украины пестрела флагами, транспарантами. На улицах — радостно-возбужденный говор.

От колхозных полей, от шахт Донбасса и Кривого Рога, от заводов Харькова и Днепропетровска, от пограничников и ученых приехали лучшие люди страны, избранники народа обсудить и утвердить на XIV Чрезвычайном С'езде Советов свою завоеванную кровью и трудом Конституцию.

Сталин!

Это имя не сходит с уст делегатов. Оно произносится с гордостью и радостью — как определение эпохи, как выражение надежд и чаяний трудящегося человечества.

И вот — в эти исторические для нас дни торжества и радости — в родной Москве банда убийц, поджигателей войны, шпионов, заплечных дел мастеров, достойных своего главного палача Иудушки Троцкого, рассказывала с цинизмом патентованных преступников о своих страшных злодеяниях против великой нашей родины, против партии, против социализма.

Чего хотели эти изверги рода человеческого? За что боролись эти Пятаковы, Радеки, Дробнисы и другие, одно упоминание имен которых вызывает такую же ненависть и отвращение, как только что укусившая вас, придавленная сапогом, змея?

Во тьму, в рабство, в нищету они пытались продать нашу землю, наш народ. Море слез, зарева пожаров, убийства из-за угла, дубинка на рабочую спину и фашистская свастика — вот вся их программа.

Сердца миллионов сжимались в благородном негодовании и могучие голоса народов нашей родины гремели, как морской прибой:

Уничтожить гадов, и как можно скорее!

И воля 170-миллионного народа, ненависть к врагам воплощены в справедливом приговоре суда.

Киев. (По телефону).

Л. СОБОЛЕВ

КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС

С неопровержимой ясностью процесс антисоветского троцкистского «параллельного центра» еще и еще раз подтвердил старую истину: «Кто не с нами — тот против нас».

В мире есть две — и только две — борющиеся реальные силы: класс людей, создающих ценности, и класс эксплоататоров, присваивающих себе труд этих людей. В мире есть две — и только две — философии: философия пролетариата и философия эксплоататоров. В мире есть две — и только две — системы организации жизни и труда: социализм и капитализм.

Ни в политических теориях, ни в экономике, ни в государственной практике, ни в искусстве, ни даже в личной жизни — третьего решения нет. Нет ее — этой золотой середины, которую ищут слабые души, пытаясь отсидеться, переждать, выяснить. Ни один человек в мире, будь это забитый дикарь империалистических колоний или лауреат нобелевской премии, не существует вне этих двух лагерей. Рано или поздно, но жизнь задает каждому этот вопрос: — с кем ты? — задает так, как она одна умеет это делать, находя для него бесконечное разнообразие интонаций и форм.

Вековая борьба раба против хозяина создала в нашу эпоху коммунистическую партию, сумевшую организовать 170 миллионов людей в равноправное общество, живущее и процветающее без частной собственности на средства производства. Многие политические партии, казавшиеся революционными партиями, предлагали свой рецепт организации человеческого общества. Но создать социалистическое государство трудящихся сумела одна только партия — коммунистическая партия. Потому что она — и только она — явилась выразителем стремлений класса трудящихся, сгустком воли миллионов людей, плотью от плоти этого класса, непримиримым врагом всех и всяческих соглашений с капитализмом, оговорок и неясностей. Все остальные политические партии, какими бы революционными фразами они ни прикрывались, в существе своем оказались контрреволюционными, потому что они не решили основного вопроса и, так или иначе, шли на соглашение с капитализмом. Логическое, до конца доведенное развитие их рецептов построения общества закономерно приводит эти партии к капиталистической философии и практике. Таков путь германской социал-демократии, таков еще более отвратительный путь троцкизма.

Логика борьбы против коммунистического учения, борьбы, начатой тридцать четыре года назад, на II с'езде РСДРП, неизбежно привела троцкизм в лагерь фашизма. Потому что фашизм — это не только теория, не только философия капитализма, не только его практика — фашизм это сила и оружие воинствующего империализма.

Троцкизм искал реальной силы, на которую он смог бы опереться в СССР — и отыскал только «остаточки кулака». Реальной силы, массовой поддержки в стране не нашлось. Сталинская Конституция в действующем ее, жизненном воплощении отняла все надежды троцкистов на реальную силу. Единицы — а не массы. Группки — а не партия. Шайка убийц — а не армия. Вот все, на что мог опереться троцкизм внутри СССР.

Волей-неволей надо было искать реальную силу вне той страны, которой троцкисты хотели предложить для осуществления свой рецепт жизни. Этой реальной силой оказался другой лагерь — германо-японский фашизм.

Что же удивляться, что чудовищные предательства, ложь, измена, убийства, грабежи, стали системой «работы» параллельного центра. Это — известная нам практика фашизма, фашистская мораль, фашистская этика и совесть. Это — нормальный фашистский способ действия.

Мировая война пока не состоялась. Поджигатель схвачен за руку. Но исторический урок дан, и каждому надо сделать из него выводы для себя.

Для нас — граждан СССР, организованных вокруг коммунистической партии, вывод этот таков: надо крепко, всей мыслью, всем существом запомнить правило — «кто не с нами, тот против нас». Надо запомнить, что всякий отход от философии и практики рабочего класса — гибелен, что он неминуемо приведет в другой лагерь. Надо уметь отличать по их поступкам тех, кто «не с нами», и заранее обезоруживать их, пока они не дошли до состояния «против нас».

ПЕРЕЦ МАРКИШ

Исчадия лжи и злобы

Нет, и ночная тьма позора их не
скроет,
Созвездьям в небесах над ними не
взойти;
К скамье карающей швырнули их
прибоем
Пути кровавые, предательства пути.

Какая бездна их извергла из утробы?
Какие омуты исторгнуть их могли?
И эти черные исчадья лжи и злобы
Дерзали родиной назвать простор земли!

Священной родины незыблемы просторы
От зноя тропиков до ледовитых
стен, —
По лоскуткам ее разбойники и воры
Тащили под полой на торжища измен.

Пусть, ядом напоив разбухнувшие
почки,
Деревья и кусты ворвутся, как
гроза,
В Верховный трибунал, и всем
поодиночке
Ветвями острыми вонзаются в глаза!

Нет, и ночная тьма не скроет их
позора,
Затем, что лица их чернее тьмы
самой!
Их пригвоздил к скамье крутого
приговора
Многомиллионный гнев, народный
гнев святой.

Их судит трибунал с презреньем во
взоре,
И весь народ гремит из края в край:
Ни капли милости взбешенной волчьей
своре, —
Пусть сгинут! Никому пощады не
давай!

С еврейского
Д. БРОДСКИЙ.

ЯКУБ КОЛАС

КАРТА БИТА

Двадцатый год неустанного героического труда отдает партия большевиков и под ее руководством трудящиеся великой страны на создание и укрепление первого в мире социалистического государства. Ценой крови сотен тысяч лучших сынов народа приобретена свобода и независимость одной шестой части мира. Уничтожены навсегда гнет, голод, бесправие, эксплоатация человека человеком. Из тьмы, нищеты и невежества выведены на широкие просторы жизни гением Ленина и его продолжателя, товарища Сталина, многомиллионные массы трудового народа, зажившего счастливой, культурной, осмысленной жизнью. Многонациональная, многоплеменная страна спаяна в одну дружную семью, беспредельно преданную своему советскому правительству и своей родной партии большевиков. Поднята народная целина, вызваны к полноценной жизни ее творческие источники. Беспредельные, яркие дали широко раскрыты великому советскому народу. Но в стране творческой жизни, воплощенной в сталинской Конституции, еще бродят омерзительные люди, утратившие человеческий облик.

Бесчестные клятвопреступники, худосочные паразиты, они еще разносят зловоние старого мира, сеют яд разрушения, мечтают о возврате к прошлому путем расчленения Советской страны и свержения ее правительства, путем реставрации капиталистической кабалы.

Нет, ваша карта бита, гг. Троцкие, Пятаковы, Сокольниковы, Радеки! Под советским солнцем нет и не будет места предателям!

И солнце Советской страны будет сиять ярко.

Минск. (По телеграфу).

Д. БЕРГЕЛЬСОН

Карающий меч народа

Никогда еще в истории сотни миллионов людей не были так об'единены чувством ненависти, подобной той, которая об'единяет их в отношении Пятаковых, Радеков, Сокольниковых, воплотивших в себе все самое низменное и мерзкое, что было в деяниях провокаторов и преступников всех времен.

Этим врагам удавалось долго обманывать нашу страну. Им помогло в этом тончайшее знание провокаторской тактики. Пятаков, Радек, Сокольников, вся гнусная банда их соратников — это виртуозы провокации. Наглые, бесчеловечные, циничные, они как и их «воспитатель» Троцкий, были вреднее и преступнее всех предателей, память о которых сохранили летописи всех народов и стран.

Вот почему таким невыносимым смрадом несло от них из зала суда, где негодяи держали ответ перед советским правосудием. Вот почему весь великий советский народ, все лучшие люди нашей страны облегченно вздохнули, узнав, что карающий меч правосудия со всей силой обрушился на головы предателей родины, социализма, трудового человечества.

Вырастут наши дети, и жадно будут они читать летопись борьбы рабочего класса за счастье и свободу всех народов. Дойдут они до страшной главы о врагах революции, о предательстве, шпионаже, диверсиях, провокациях — и спросят: что такое враг народа?

Им ответят: это — Троцкий, Каменев, Зиновьев, Пятаков, Радек, Сокольников и иже с ними.

Биробиджан. (По телеграфу).

В. БРЕДЕЛЬ

Подручные германских и японских фашистов

Когда Гитлер в прошлом году на нюренбергском с'езде германских фашистов нагло и цинично огласил перед лицом всего мира часть своей программы и заявил претензии на Советскую Украину и Урал, — он, Гитлер, уже заключил сделку с предателями троцкистами, обещавшими эти разбойничьи претензии осуществить, если германские фашисты помогут им захватить власть в Советском Союзе.

На том же с'езде другие главари фашизма выливали ведра помоев на социалистическое строительство и «доказывали» «неспособность» Советского Союза построить социализм, ссылаясь на вредительскую деятельность в промышленности, на катастрофы в шахтах и на железной дороге, — они знали, что их агенты — троцкисты, шпионы и вредители — все делают для того, чтобы подорвать хозяйственную и политическую мощь Страны Советов.

И когда Гитлер призывал европейские государства к военной интервенции против СССР, — он уже спелся с бандой предателей-троцкистов, которые все подлые свои деяния совершали в расчете на победу фашизма и поражение Советского Союза.

Империалистическая война, интервенция, белые банды, кулачье, предатели всех мастей опустошили старую Россию, страну и без того крайне отсталую. Но революционный народ одержал победу под славными знаменами большевистской партии. Он не только выгнал из страны многочисленных интервентов, не только уничтожил и прогнал белобандитов, — он преодолел трудности, стоявшие на пути социалистического строительства — первого в истории человечества. И эти трудности были преодолены, ликвидированы, несмотря на то, что троцкисты вредили где могли, организовывали саботаж и шпионаж на предприятиях, систематически увеличивали и умножали трудности и всеми средствами добивались краха социалистического строительства.

Но они просчитались — и фашисты, и троцкисты! Никакие империалисты-интервенты не смогли подчинить себе советский народ, который, разбив врагов на всех фронтах, создал социалистическую промышленность, коллективизировал свое сельское хозяйство и продолжает уверенно и победоносно строительство социализма в своей стране.

Радек — немецкие трудящиеся не забыли его пагубной роли в октябрьские дни 1923 года в Германии, — ненавидел германский рабочий класс и даже не скрывал этой своей ненависти. Со свойственным ему цинизмом он на с'езде писателей высказал некоторым немецким товарищам, в том числе и мне, что германский рабочий класс жалко опозорился, что он ведет себя трусливо и достоин «своего» Гитлера.

Каждый трудящийся в СССР, каждый антифашист в других странах знает, как героически борются против фашизма германские рабочие, как мужественно и гордо лучшие из наших германских братьев всходят на эшафот, с каким мужеством борется против фашизма товарищ Тельман, вождь германского пролетариата, который вот уже больше четырех лет томится в фашистском застенке.

Двурушничество Радека не имеет себе равных по низости, по гнусному цинизму.

Где тот писатель, который взялся бы написать портрет этого скота, этого подлеца и убийцы, рядом с которым Яго — невинный новичок, — чтобы мир еще яснее увидел и никогда не забыл, сколько подлости, сколько низости, сколько коварства и палачества было в заговорщиках против страны, которая первая построила социализм.

Троцкисты за границей будут кричать, что все это ложь, что обвинения выдуманы.

Но они будут вопить напрасно! Этот процесс разоблачил до конца их гнуснейшие злодеяния у нас в стране и за границей. А разве сторонник Троцкого, Дорио во Франции, не жесточайший враг народного фронта и Испанской республики? Разве этот ученик Троцкого не является сейчас также открытым агентом германского фашизма во Франции? Разве троцкисты в Испании не наносят удара в спину республики и не пытаются внести в ряды республиканцев панику и смятение? Разве фашизм не подхватывает с величайшим удовольствием всю их грязную клевету и не использует ее в борьбе против Советского Союза и антифашистских народных масс в других странах?

Нашу великую страну не опустошить никаким фашистским наемникам, никаким заговорщикам и бандитам, подосланным Троцким и гестапо, не захватить социалистической собственности и не уничтожить достижений Октябрьской революции! Трудящиеся Советского Союза защитят свою родину. Мы, немецкие коммунисты в СССР, собственными глазами видавшие ужасы фашизма и испытавшие их, клянемся нашим русским братьям, обещаем товарищу и вождю Сталину, товарищам Ворошилову и Ежову, что мы будем бороться в первых рядах против фашистско-троцкистских бандитов.

Смерть палачу рабочих — фашизму! Смерть его гнусным креатурам — троцкистам!

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ПУШКИНСКИМ ДНЯМ

29 января в Кремле, под председательством т. А. С. Бубнова, состоялось заседание Всесоюзного пушкинского комитета. Заседание было посвящено проверке выполнения постановления Совнаркома СССР от 30 декабря 1936 года об ознаменовании столетия со дня смерти А. С. Пушкина.

Выступивший с докладом заместитель председателя Пушкинского комитета народный комиссар по просвещению РСФСР т. Бубнов рассказал о подготовке к юбилею. Сообщения сделали также тт. Каспаров (Ленинград), Хвыля (Украина), Филатов (Москва), акад. Горбунов (Академия наук СССР).

План издания сочинений Пушкина, как сообщил т. Бубнов, выполнен почти целиком, а по Гослитиздату несколько даже перевыполнен. Гослитиздат дал стране около **8** млн. книг. За последние три месяца выпущено шеститомное собрание сочинений **100**-тысячным тиражом, однотомное собрание сочинений **350**-тысячным тиражом, а отдельные произведения **100—200—400** — и **750**-тысячными тиражами. В частности изданы произведения Пушкина на таких языках, на которые он никогда ранее не переводился: ассирийском, кара-калпакском, мансийском, нанайском, ненецком, эвенском и др.; Пушкин издается на Украине, в Белоруссии, Грузии, Азербайджане и в других республиках.

На Украине к юбилею издаются на украинском языке два тома основных произведений Пушкина. Начата подготовка к выпуску шеститомника. Выходит книга «Пушкин на Украине». Издаются отдельные произведения поэта на еврейском, болгарском, польском, немецком и молдавском языках. В киевской опере ставится «Борис Годунов».

А. С. Бубнов привел весьма интересные цифры: с 1898 года по 1917 г. произведения поэта были изданы в количестве 9,1 млн. экземпляров, а с 1917 по 1935 г. включительно — 9,3 млн. За один 1936 год выпущено уже **10,8** млн. экземпляров.

Крупнейшим событием юбилейных дней явится Всесоюзная пушкинская выставка, организуемая в Историческом музее столицы. Для выставки отведено 17 зал. Получено около **4.000** экспонатов и **3.610** томов книг.

Весь Союз готовится к юбилею. На заводах и в колхозах проводятся читательские конференции. Юбилей будет ознаменован повсюду торжественными заседаниями. Пушкинские вечера устраиваются во всех школах СССР. Торжественное заседание Всесоюзного пушкинского комитета, с участием общественных организаций, состоится в Большом театре. Созывается сессия Академии наук СССР, посвященная Пушкину. Созывается также пленум правления союза советских писателей. Массовые празднества устраиваются в селе Михайловском.

В Ленинграде, на Мойке, в квартире, где жил Пушкин, будет открыт музей. Заканчиваются работы по установке памятника на месте дуэли (Черная Речка). Здесь поставлен гранитный обелиск высотою в 9 метров. Обелиск будет украшен бронзовым барельефом—портретом Пушкина работы скульптора М. Г. Манизера. Закладку монументального памятника поэту предполагается произвести на Университетской набережной в Румянцевском сквере. Театры Ленинграда готовят пушкинские спектакли.

Пушкинский комитет принял ряд решений по докладу т. Бубнова. В частности поставлен вопрос о том, чтобы пушкинские спектакли и концерты были проведены в юбилейные дни во всех театрах СССР.

★

26 января в кабинете председателя Мособлисполкома т. Н. А. Филатова состоялось заседание Московской областной и городской пушкинской комиссии, заслушавшей сообщения о подготовке к пушкинскому юбилею в Москве и в области.

Выступавший от имени Союза советских писателей и издательской комиссии Всесоюзного пушкинского комитета Н. Н. Накоряков сообщил, что, вследствие огромных тиражей юбилейных изданий Пушкина, книжные магазины достаточно насыщены книгами великого поэта.

И тем не менее ощущается нехватка в однотомнике Пушкина, несмотря на то, что выпущено уже **350** тысяч экземпляров.

Детиздат ЦК ВЛКСМ дал ребятам несколько изданий Пушкина: сборники сказок, серийные издания, трехтомное собрание сочинений.

В ближайшее время появится однотомник произведений великого поэта.

Музыкальное издательство выпустило оперы, романсы и сборники музыкальных произведений на слова Пушкина.

Изогиз, усиливший в последнее время темпы работы, выпускает художественные портреты поэта, цветные картины, плакаты для школ, клубов, открытки и т. п.

Союз советских писателей примет участие в торжественном заседании **10 февраля** в Большом театре СССР. Юбилейное заседание будет транслироваться по всей стране. Свердловская площадь и здание Большого театра будут специально оформлены.

10 февраля днем у памятника Пушкина состоится торжественный митинг по поводу восстановления на постаменте памятника подлинных строк из бессмертного стихотворения поэта.

Начертанные на памятнике искаженные строки —

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал —

будут заменены подлинным текстом поэта:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

12 февраля откроется Всесоюзная пушкинская выставка. В этот же день состоится открытие мемориальных досок в Москве—на Арбате, 53, где жил Пушкин, и на Бауманской улице, на месте, где был дом, в котором родился великий поэт. Мемориальные доски будут открыты **12 февраля** и в селе Захарово, и в Яропольце.

Радиокомитет, по сообщению т. Кокорина, даст два международных концерта, посвященных Пушкину. Первый концерт—**8** февраля—будет передаваться в Афганистан, в Иран и в Турцию, второй—**11** февраля — предназначается для Западной Европы и Америки. В программе Глинка, Балакирев, Римский-Корсаков, Чайковский, Рубинштейн, Мусоргский и др.

Всесоюзный пушкинский радиоконцерт состоится **3 февраля** при участии лучших артистических сил Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси.

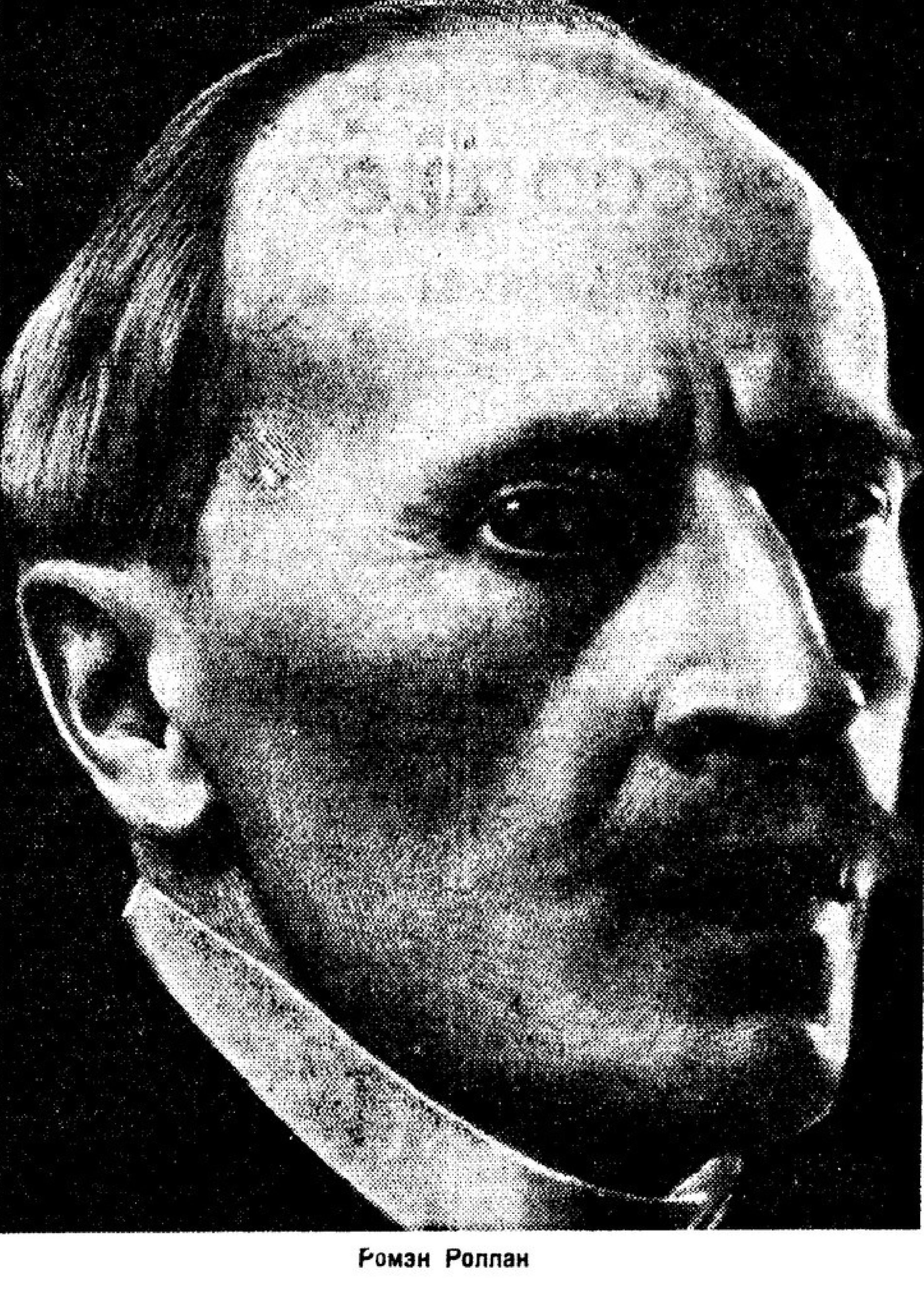
На конкурс среди радиослушателей на лучшую программу пушкинской передачи прислано **четыре тысячи** программ.

Областная пушкинская комиссия утвердила план юбилейных радиопередач по области. Вместе с тем т. Филатов указал т. Кокорину на ряд фактов, свидетельствующих о недостаточной тщательности и некоторой небрежности языкового и стилистического порядка, допускаемых дикторами и чтецами в пушкинских передачах.

Заместитель начальника Московского управления по делам искусств т. Зубцов информировал комиссию о подготовке театров Моссовета: **31** января театр п/р Симонова **покажет** премьеру инсценировки «Дубровского»; в двадцатых числах **февраля** пушкинский спектакль дает Театр им. МОСПС, который ставит маленькие трагедии Пушкина; эти же маленькие трагедии готовят Московский драматический театр и Центральный Трам. Трагедию А. П. Глобы «Пушкин» включил в свой репертуар Театр Революции.

Когда состоятся пушкинские спектакли в Театре Революции, в Московском драматическом театре и в Центральном Траме, т. Зубцов не сообщил; по нашим сведениям, эти спектакли будут готовы не так скоро. Совсем не упомянул т. Зубцов о подготовке к юбилею в других театрах Моссовета. Вообще из его предельно сжатой информации было ясно, что подготовка в Московском управлении по делам искусств оставляет желать лучшего.

Н. А. Филатов предложил управлению срочно созвать совещание представителей всех театров Моссовета совместно с представителями центральных театров для выяснения, что они покажут зрителям в пушкинские дни.

Ромэн Роллан

Привет Ромэн Роллану!

29 января Ромэн Роллану исполнился семьдесят один год. В этот день все передовое и прогрессивное человечество обращается к великому французскому писателю со словами любви и сердечного привета. Советской стране создатель «Жана Кристофа», «Кола Брюньона» и «Очарованной души» особенно близок. Произведения Роллана знают и любят широчайшие массы нашей страны. Его вдохновенное слово близко и дорого народам Советского Союза. После Горького это самый популярный у нас писатель.

С замечательной настойчивостью с первых шагов своего творчества Роллан искал образов, в которых было бы воплощено «человеческое величие». В героях Французской революции (серия драм, составляющих, по мысли автора, «Илиаду французского народа»), в образах великих художников прошлого — Бетховен, Микель Анджело, Толстой; в Кристофе, который был уже современником Роллана, наконец, в Аннете и Марке Ривьерах («Очарованная душа») одинаково заключен призыв к тому «человеческому достоинству», которое безжалостно попрал капитализм. В основе роллановского «героического реализма» всегда лежало стремление к счастью человечества. И когда зловещая тень фашизма поднялась над Европой, великий писатель всю силу слов своих обратил против «коричневой чумы, которая превзошла в своих деяниях черную чуму». «Солдат действия», он связал свои выступления против войны и фашизма с огромной практической работой по организации антифашистского фронта. Вся передовая западная интеллигенция видит в Роллане своего учителя и вождя.

В последней книге своего замечательного романа «Очарованная душа» Ромэн Роллан показал в ярких художественных образах, какие глубокие перемены произошли в сознании лучших людей западной интеллигенции, как вовлекаются они в активную борьбу против фашизма, как крепнет их связь с народными массами, как возникает новый тип мастера культуры на Западе. Этот новый мастер культуры отбрасывает гнилые предрассудки буржуазного гуманизма и становится в ряды борцов против фашистского варварства.

Известно, как широко развернулось сейчас во всех странах капитализма антифашистское движение среди интеллигенции. Как пример, достаточно назвать Парижский конгресс в защиту культуры (июнь 1935 года), об'единивший лучших писателей Европы и Америки под лозунгом борьбы против фашизма, под лозунгом союза мастеров культуры с рабочим классом. Инициаторами, вдохновителями, идейными вождями этого исторического с'езда были Анри Барбюс и Ромэн Роллан. Этот с'езд был практическим результатом литературной и общественной работы Ромэн Роллана.

Советский Союз стал воплощением всех надежд Ромэн Роллана, стал для него новой родиной. В словах, глубоких и взволнованных, выразил великий писатель свое отношение к стране победившего социализма. В статье «На защиту мира», опубликованной в феврале 1936 года, он говорит:

«Я знаю, что Советский Союз является самой мощной гарантией социального прогресса и что человеческое счастье находится под его защитой. Я знаю, что это наша живая крепость и что если бы эта крепость пала, погибла бы надежда всего мира, и наш Запад не нашел бы в своих венах достаточно крови, чтобы дать отпор сапогам беспощадной реакции и собственному отчаянию. Я знаю, что мир оказался бы вновь—неизвестно на сколько столетий — под гнетом порабощения и был бы залит волной грязи и крови.

Вот почему я говорю: «Защита Советского Союза — или смерть!».

Летом 1935 года Роллан посетил Советский Союз. Он был гостем Горького, с которым его связывала многолетняя дружба и глубочайшая близость двух великих художников, пути которых сошлись.

Ромэн Роллан с восхищением говорит о том, что в нашей стране он увидел осуществленным и завоеванным все, о чем он мечтал всю свою жизнь, к чему он всегда страстно стремился, к чему он пытался вести своих героев. Он говорит о нашей родине: «В ней нашли свое осуществление мечты моего искусства, надежды всей моей жизни, дух Жана Кристофа и Кола Брюньона».

Он нашел незабываемые, поразительные слова для того, чтобы передать это переполнившее его ощущение близости, кровного родства с нашей жизнью. В письме товарищу Сталину накануне своего от'езда из Москвы Роллан писал:

«Я уезжаю с подлинным убеждением в том, что я и предчувствовал, приезжая сюда: что единственно настоящий мировой прогресс неотделимо связан с судьбами СССР, что СССР является пламенным очагом пролетарского Интернационала, которым должно стать и которым будет все человечество, что обязательным долгом во всех странах является защита его против всех врагов, угрожающих его под'ему. От этого долга, — вы это знаете, дорогой товарищ, — я никогда не отступал, не отступлю никогда до тех пор, пока буду жить».

В этих словах — весь Роллан с его огненным энтузиазмом, с его кристальной чистотой, с его непоколебимой верой в торжество лучших идеалов человечества.

Да здравствует еще много лет наш великий друг!

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА

Центральным домом Красной армии открыта выставка, посвященная пушкинским местам.

На выставке — в живописи, гравюре и рисунке — представлены Захарово, село Михайловское, Тригорское, село Болдино, Ярополец, Полотняный завод, Остафьево, а также пушкинские места в Крыму.

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами — в реке волнистой
Зерцалом вод отражено.

Эти строки невольно приходят на память, когда смотришь картину художника А. С. Рыбакова «Вид Захарова».

Серия офортов и акварелей, посвященных Михайловскому и Тригорскому, выставлена художником П. Ф. Осиповым.

«Михайловские рощи» в первый раз увидели поэта еще «веселым юношей». Сюда же явился он «усталым пришельцем» в последние годы своей жизни. Одна из акварелей Осипова изображает «опальный домик», где жил поэт.

Ряд картин и рисунков, сделанных в Михайловском и Тригорском, принадлежит художнику К. Н. Карыгину. Он зарисовал Святогорский монастырь, где похоронен А. С. Пушкин, Градище Воронич, куда часто заезжал поэт; пруд, на берегу которого стоял дом друзей Пушкина — Осиповых.

★

На выставке больше всего работ, посвященных селу Болдину.

«Болдинская осень» — это один из наиболее плодотворных периодов в жизни поэта. 9 декабря 1830 года Пушкин пишет П. А. Плетневу: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал».

Картина художника Д. А. Колупаева показывает нам Пушкина, под'езжающего на бричке к своему болдинскому дому. Художником даны также село Болдино, избушки, сохранившиеся со времен Пушкина, виды, открывающиеся из окна болдинского дома, и т. д. Интересна его картина, изображающая в избе инвалида Ивана Крючкова, бывшего слугу последних Пушкиных, живших в Болдино. Иван Крючков — ревностный хранитель всех преданий о семье поэта.

Художник Б. Ф. Рыбченков побывал в бывших имениях Гончаровых —Ярополье и на Полотняном заводе. Он зарисовал яропольский парк, в'ездные ворота в усадьбу, крепостную башню, реку Ламу. В рисунках, посвященных Полотняному заводу, даны — бывший дом Гончаровых, парк, река Суходрев.

Б. Ф. Рыбченкову принадлежат также картины и рисунки, сделанные им в Остафьеве — имении поэта П. А. Вяземского, где Пушкин был частым и желанным гостем. Рядом с картиной Б. Ф. Рыбченкова «Остафьевский дворец» помещены его рисунки, изображающие пушкинскую комнату во дворце и памятник великому поэту — в Остафьевском парке.

Пребыванию Пушкина в Крыму посвящены работы художника С. И. Лобанова, проделавшего недавно весь тот путь, который более сотни лет назад проделал Пушкин.

Керчь, Феодосия, Гурзуф, Шайтан-Мердвень, Георгиевский монастырь (близ Балаклавы), Бахчисарай — таковы основные пункты этого пути.

Среди представленных на выставке рисунков С. Лобанова привлекают внимание: развалины Пантикапеи, о которых говорит Пушкин в своем письме к А. А. Дельвигу; вид с Пушкинской горы на Аю-Даг; скала, называемая Ява, с остатками Генуэзской крепости.

В одном из черновых набросков «Желания» Пушкин посвятил этой скале следующие строки:

Как я любил над блещущим заливом
Развалины, венчанные плющом.

Серия рисунков С. Лобанова изображает знаменитый дворец в Бахчисарае.

★

Таково в основном содержание выставки «Пушкинские места».

На ней представлено свыше 160 картин и рисунков, но она, конечно, не претендует на исчерпывающую полноту. На выставке совсем нет зарисовок Кавказа, Одессы и многих других мест, неразрывно связанных с именем великого поэта, где он бывал, жил и творил.

СТИФ

Д. И. Гулия.

Дедушка абхазской литературы

30 января абхазский народ отметил сорокапятилетие литературной деятельности своего старейшего писателя — Д. И. Гулия, «дедушки абхазской художественной литературы».

Основоположник абхазской письменности и литературы, создатель абхазского театра, историк, фольклорист и замечательный переводчик, Дмитрий Иосифович Гулия родился в 1874 г. в бедной крестьянской семье. Верный сын своего народа, он много лет работает в области народного образования, стараясь приобщить к культуре темные крестьянские массы. Будучи народным учителем, он в 1891 г. создал свою азбуку и первый абхазский практический словарь; им же составлены книги для чтения. В 1907 г. в Тбилиси выходит первый сборник абхазских пословиц, собранных Д. Гулия. В 1910 г. — первый томик его стихов, — первая книга стихов на абхазском языке.

Характерными чертами творчества Д. И. Гулия являются простота и народность. Созданные им поэзия и проза близки и понятны массам. Не случайно в последние годы им уделяется большое внимание созданию политической частушки, метко разящей классовых врагов.

В 1929 г. Д. И. Гулия был награжден орденом Трудового Красного знамени. Трудящиеся Абхазии ценят и любят этого неутомимого писателя-труженика, — его юбилей явился национальным праздником всего народа.

★

Дорогой Дмитрий Иосифович!

Горячо поздравляем вас, основоположника абхазской литературы, с 45-летием вашей славной литературной деятельности.

В тяжелые годы царизма вы писали для трудового народа, ваши произведения были направлены против его угнетателей.

В наши светлые, счастливые дни ваше творчество, благодаря своей подлинной народности, близко и понятно возрожденному абхазскому народу.

Желаем вам долгой жизни и еще более плодотворной работы.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сказ о Кирджали

В одном из районов Азово-Черноморского края — в Греческом — есть село Молдаванское. Крестьяне этого села лет семьдесят назад переселились сюда из Румынии. До установления советской власти это было самое бедное и темное село, где чиновные люди беспощадно эксплоатировали безземельную молдаванскую крестьянскую бедноту.

Теперь здесь — колхоз им. Фрунзе. Его доход в 1936 году равен **2.300.000 рублей.**

Недавно молодой писатель Н. Марченко записал со слов колхозника Александра Александровича Трифонова народный сказ о Кирджали.

Первая часть сказа почти не расходится с пушкинской повестью «Кирджали». Вторая часть рассказывает о дальнейшей бунтарской деятельности национального героя, выступавшего в защиту бедных и угнетенных крестьян-молдаван.

Сказ о Кирджали подготовляется к печати.

Невозмутимость равнодушных

(От нашего корреспондента)

Телеграмма из Москвы о пушкинском пленуме писателей была громом, грянувшим на голову Азово-Черноморского правления союза советских писателей.

Конечно, о том, что в крае есть пушкинский комитет, в правлении знали. Догадывались и о юбилейных датах. Но это никого не беспокоило.

Равнодушие было настолько невозмутимо, что даже в повестке недавно закончившейся конференции адыгейских писателей не было доклада о Пушкине. Никто ни слова не сказал на конференции о великом русском поэте.

Краевой пушкинский комитет существует давно, но он ни разу еще не собирался.

Подготовка к пушкинским дням ведется **помимо** комитета и союза писателей. И ведется довольно не плохо. Если на конференции писателей не было доклада о Пушкине, то на конференциях работников кооперации и работников треста «Заготскот» такие доклады были и привлекли огромное число слушателей.

И вот гром грянул. В правлении зашевелились. Начали готовить пушкинский альманах. Писатели живо откликнулись. Ан. Лингин дал интересную статью «Пушкин в нашем крае». Ашот Гарнакерьян — поэму о Пушкине.

Но альманах еще не собран, и когда будет сдан в печать, неизвестно. К пушкинским дням он, конечно, не выйдет.

В плане правления союза намечены доклады о Пушкине на крупных предприятиях Ростова и семь вечеров в городах и колхозах края. Но кто выступит с докладами, какие писатели куда поедут—пока неизвестно.

Вот и все о литературном Ростове в предпушкинские дни.

Невозмутимое равнодушие господствует здесь в организации писателей.

Н. ЧИНАРИН

г. Ростов-на-Дону

Произведения Пушкина на киргизском языке

ФРУНЗЕ. Вышли из печати произведения А. С. Пушкина на киргизском языке: «Цыганы», «Каменный гость», «Кавказский пленник», «Сказка о рыбаке и рыбке», сборник лирических стихотворений.

Находятся в производстве и скоро выйдут: «Дубровский», «Капитанская дочка», «Гавриилиада», «Сказка о Попе и его работнике Балде».

Фильм, искажающий Пушкина, с экрана снят

Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром (ГУРК) предложило Главному управлению кинематографии и Росснабфильму прекратить демонстрацию на экранах фильма «Капитанская дочка», о котором «Литературная газета» (20 января с. г.) писала, как о фильме, искажающем Пушкина.

С. Я. ГЕССЕН

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.). 25 января** трагически погиб молодой талантливый ученый, пушкиновед Сергей Яковлевич Гессен.

С. Я. Гессен родился в 1903 г. Впервые он выступил в печати 17-летним юношей со статьей «Пушкин и декабристы», помещенной в «Вестнике литературы». Эта тема разрабатывалась С. Я. Гессеном и в дальнейшем, на всем протяжении его научной и литературной деятельности. К числу наиболее интересных работ С. Я. Гессена относятся «Источники 10-й главы «Евгения Онегина» (сборник «Декабристы и их время», т. II), «Пушкин в Каменке» и др.

В последние годы С. Я. Гессен работал в Институте литературы Академии наук СССР и до самых последних часов своей жизни активнейше трудился над организацией юбилейной Пушкинской выставки.

Митинг жен московских писателей

3 февраля состоится общемосковский митинг жен московских писателей, посвященный процессу над антисоветским троцкистским центром.

Докладчики—тт. Фадеев, Никулин.

Начало в 7 часов.

Митинг состоится в зрительном зале Союза советских писателей.

«Спутники»

Ромэн Роллан о своей книге

Эта книга не есть результат заранее составленного плана. Все эти очерки писались по разным поводам, в различные моменты жизни.

И все же они все составляют единое целое, являются различными формами выражения одной и той же личности на протяжении всей ее жизни.

Вся эта жизнь проходила под знаком конфликта, не только личного, но — характерного для всей эпохи социальных сдвигов — конфликта между мечтой и действием, между духом и бытием, между идеалистическими стремлениями личности и могучим об'ективизмом Природы, диктующей свои законы разуму.

С детства я смутно чувствовал, что трагические противоречия раздирают интеллигенцию буржуазии — господствующего класса капиталистического мира. Поток народов и масс, рожденный эпохой национальных войн и революций, вышедшая из берегов река политических и социальных действий грозила затопить старый буржуазный гуманизм; лишенный энергии и гибкости, он не смог приноровить свой дряхлый шаг к стремительному движению жизни и упрямо защищал свои позиции, уже осужденные, принадлежащие минувшей эпохе. И так как вокруг были только люди, намеренно закрывавшие глаза, чтобы не видеть слов «Мане, текел», начертанных на стене, — мучимый сомнениями юноша со страстной тоской вопрошал своего поэтического спутника Гамлета[1]. Прислонившись к стене кладбища, где должны были похоронить возлюбленную, красоту искусства и мечты — Офелию, Гамлет видит приближение Фортинбраса. Гамлет и я, мы уже знали, что Фортинбрас завладеет короной,— даже больше,— что он имеет на нее право, раз мы не могли взять ее, не могли даже желать обладать ею. У мысли не было сил сочетаться с действием; но было сознание, что правда на стороне действия.

Надо вспомнить лихорадочную атмосферу в годы 1880—1890. Гнетущая атмосфера французской политики, внушающая отвращение республика Греви[2] — республика грязных афер и взяточничества, кулак бисмарковской Германии, все время угрожающий нашей молодежи (каждый год зловещие вброны предвещали, что летом будет война!), тревожное выздоровление израненной Франции, еще не осознавшей своих сил,— все это поддерживало в лучших представителях нашей молодежи идеалистический пессимизм; в моем случае этот пессимизм усугублялся состоянием здоровья, бывшего вечно под угрозой. Мы чувствовали, что мы на краю пропасти; и, опасаясь от власти жесткой действительности, которую мы волокли за собой, как железное копье, нас пронзившее, мы искали убежища в одурманивающей мечте поэзии и музыки — Шекспира и Вагнера — или их немощного наследника, этого тепличного растения: «символизма».

Но все время, резкими толчками, нас будили, призывали к обязательствам реальной борьбы: мы должны были завоевывать средства к существованию остервенелой работой, и это, помимо нас, привязывало нас к суровой и здравой действительности.

Около 1886—1887 г., когда я силой усмирил пессимизм своих двадцати лет, произвольно создав себе временное credo (это нужно было для того, чтобы быть в состоянии жить), я начал направлять свои мысли в сторону действия. Толстой помог мне в этом своим «Что делать?». Но как мрачно было его представление об общественной деятельности! К счастью, с латинской земли на меня повеяло весенним ветром. Вечная весна Италии! В Риме, во дворце Форнезе я в течение двух лет лечился светом. Мои первые драмы, мои первые детища насыщены культом «Сверхчеловека» эпохи Возрождения, прославлением силы и красоты. Это неосознанное ницшеанство было у молодого человека естественной реакцией и самозащитой от толстовской социальной скорби, лишенной света, но оно в свою очередь было лишено тени, ему недоставало жалости: это была пустыня, выжженная солнцем. Индивидуализм героический и одинокий; он рвет связи с коллективом: он создает пустоту вокруг себя; и, как Кориолан и Готспур[3], он издает вопли, мечется и падает в яму, которую он сам вырыл. Жизнь — в коллективе. Преобразуем ее!

Мы преобразовали ее в борьбе. Дело Дрейфуса воскресило для меня Французскую революцию[4]. Я был поглощен им. Я ощущал страстную силу масс, бравших Бастилию, и неистовства Конвента. Гении действия, которых я мысленно воскресил, заразили меня своим героическим оптимизмом; он спас меня в эти годы, без их помощи я погиб бы.

Оптимизм и пессимизм — эти два врага — они оба были во мне; и всю мою жизнь я работал над тем, чтобы примирить их. Но, наблюдая людей, я пришел к заключению, что эти противоречия непримиримы. Когда я еще был учеником школы на улице Ульм[5], мой учитель Брюнетьер обнаружил во мне — раньше, чем я осознал это сам,—революционный оптимизм, враждебный его пессимизму, который я, в результате моей внутренней борьбы, должен был одолеть. Брюнетьер относился к этому отрицательно. Позже, в предисловии к «Жизни Микель Анджело» я выразил, не без горечи, мое возмущение против христианского пессимизма, который я слишком хорошо знал, находя его как в себе, так и в других. И, хотя я и чувствовал его величие в некоторых людях, уважаемых или любимых мной, я восстал против него. Ибо он заключает в себе отрицание человеческого прогресса и связан с реакцией. Кто борется с ней, тот должен бороться и с ним. Я вел с ним борьбу в самом себе: это было нелегко!

Бетховен помог мне в этой борьбе. Но больше всех помог мне Кристоф, мой сын, дух борьбы, человек-творец. Можно ли быть пессимистом, рождая, видя, что сын силен, видя, как он растет? Дитя физическое или духовное устанавливает связь между вами и шагающим вперед коллективом. Этот под'ем радости и горячей социальной солидарности проявился затем в «Кола Брюньоне».

Война, казалось, пресекла этот порыв. В эти темные годы вновь всплыли пессимизм и стремление к мечте, — их можно найти в моих четырех очерках о Шекспире. Но в то же время нас было несколько человек, борющихся, несмотря ни на что, за независимость мысли, за освобождение народов, принесенных в жертву.

Эта борьба с тех пор не прекращалась. Как пессимизм, так и оптимизм принимали в ней участие. Но уже не противопоставляя себя друг другу. Они заключили союз. В борьбе за победу нового человечества надо напрячь все силы; трагическое видение несправедливости и страданий настоящего помогает в борьбе не меньше, чем светлая уверенность в лучшем будущем. Тот не готов победить или умереть, в ком оптимистический порыв не опирается на отчаянную решимость никогда не возвращаться назад, к ненавистному миру поражения — прошлому.

Перев. **ЖАНТИЕВОЙ.**

[1] Размышлениями о Гамлете я был поглощен, когда мне было восемнадцать лет. О них я расскажу в книге, которая будет иметь автобиографический характер.

[2] Жюль Греви, французский и политический деятель, дважды (в 1879 и 1885 гг.) избирался в президенты Французской республики. Деятельность его в это время сводилась к охране буржуазного порядка. Из-за скандала с орденами, которыми торговал его зять Вильсон, вынужден был подать в отставку **(прим. перев.)**.

[3] Готспур — прозвище рыцаря Генри Перси при дворе английского короля Генриха IV. В трагедии Шекспира «Генрих IV» Готспур — человек, наделенный огромным честолюбием и смелостью, — восстает против Генриха, принца Уэльского. Во время поединка Генрих убивает его. **(Примеч. перев.)**.

[4] Драма «Волки», возникшая под влиянием дела Дрейфуса, положила начало всем моим драмам о революции; и в эти годы, 1897—1901, я задумал эпопею революционного народа, которая должна развернуться на арене Народного театра.

[5] Высшая нормальная школа для подготовки преподавателей лицеев и ученых **(Примеч. перев.)**.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-68.

Уполном. Главлита В—26106.
Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.